

ТАТЬЯНА КОРСАКОВА

СВЕЧНАЯ БАШНЯ



Свечная башня

Татьяна Корсакова

Свечная башня

«Автор»

2022

Корсакова Т. В.

Свечная башня / Т. В. Корсакова — «Автор», 2022 — (Свечная башня)

Все прекрасно в усадьбе Горисветово! Отреставрированный дом, ухоженный парк, оранжерея с диковинными растениями, теннисные корты, конные прогулки. И апофеозом самобытности - Свечная башня, созданная по проекту гениального Августа Берга. Рай на земле! Стараниями новых владельцев исполнилась мечта прежней хозяйки Агнии Горисветовой, больше века назад основавшей в усадьбе приют для одаренных сироток.

Сначала приют. Затем летний лагерь для талантливой молодежи. Нынче элитная загородная школа. Все для детей! Всегда для детей! Вот только дети пропадают... Дети погибают... Дети теряют разум и богом данную искру...

А темными грозовыми ночами на смотровой площадке Свечной башни вспыхивает ослепительно яркое пламя. Легенда гласит, что так рождаются Светочи. Легенда умалчивает о том, по чьей воле они приходят в этот мир и что забирают с собой, уходя. Мирослава одна из тех талантливых и подающих надежды. И талант, и надежды, и память тринадцать лет назад отнял Свечной человек - неуловимый убийца, пособник самой тьмы. И вот спустя годы Свечной человек возвращается. В башне снова зажигается нездешний огонь. А взрослая Мирослава решает разобраться и с собственным прошлым, и с неизжитым страхом, и с затаившимся в усадьбе вековым злом.

Татьяна Корсакова

Свечная башня

Глаза у девочки были синие, как августовское небо. Не человеческие какие-то глаза – кукольные. И этими своими синими кукольными глазами она всматривалась в его лицо, запоминала. Она не закрывала их до самого конца. Уже и лицо сделалось лиловым, и дыхание обрвалось, и пальцы перестали цепляться за его одежду, а глаза все глядели, всматривались, запоминали.

– Ну же, – сказал он почти ласково и так же ласково, но неотвратно еще сильнее сжал тонкую детскую шею. – Ну, закрой глазки, маленькая. Хватит уже...

Она то ли послушалась, то ли наконец кончились силы в ее тщедушном тельце, но перед тем, как синие глаза закрылись навсегда, он увидел в них нечто пугающе нездешнее...

* * *

Василису Свиридову хватились к вечеру. Не хватились бы и до ночи, если бы не полдник. На полднике младших пересчитывали по головам, как курят. Курятами их называла старшая воспитательница Лизавета Петровна. Она их – курятами, они ее – Лисапетой. Мирославе оба прозвища казались непозволительными, поэтому она при каждом удобном случае одергивала и воспитательницу, и воспитанников. Не помогало. Не помогало потому, что основатель школы Всеволод Мстиславович Горисветов слишком уж лояльно относился и к персоналу, и к воспитанникам.

Особенная школа – особенные правила. Вот так он любил повторять. И ведь не поспоришь! Потому что правила эти написал он сам. Мирослава пыталась помочь, но от ее более чем дельных советов шеф мягко отмахивался. Или не мягко? За тринадцать лет знакомства Мирослава так и не поняла, чего ожидать от него и его единственного отпрыска. Аристократы! Голубая кровь, белая кость! Титул у них, регалии, деньги, какие Мирославе даже не снились. Еще и усадьба эта!

Горисветово! А как же иначе?! Хозяева Горисветовы, а усадьба, стало быть, Горисветово. Я памятник себе воздвиг нерукотворный... Впрочем, очень даже рукотворный и очень даже памятник! Культурное наследие! Под реставрацию усадьбы Всеволод Мстиславович выбил какие-то немислимые гранты. Реставрацию провели в кратчайшие сроки и, как думалось Мирославе, очень качественно. Там, где нужны дубовые панели, там они и есть дубовые, а не из крашеной сосны. Там, где был наборный паркет, там он наборным и остался. Семь пород дерева, чтобы вы понимали! И розовый мрамор дешманской плиткой не заменили! Все дорого, стильно, аутентичненько!

А потом, когда из Минкульту выжали все по максимуму, пришел черед Минобра и инвесторов. Еще поди реши, кто больше вложил в усадьбу – государство или инвесторы. А все ради чего? Ради школы. Мирослава отступила от французского окна, у которого стояла вот уже минут пятнадцать, поежилась.

Да, школа была не простая, а золотая. Не в том смысле, что для золотой молодежи, хотя и этих зажавшихся говнуков в Горисветово хватало. Школа была для одаренных детей. Мирослава подозревала, что как раз под эту «одаренность» Минобр денег и отстегнул. А уж инвесторы – под золотую молодежь.

С идеей этой особенной школы Всеволод Мстиславович носился, как дурень с торбой. Так сказала бы Мирославина бабуля, царствие ей небесное! Бабуля и ум, и язык имела острый. Она бы мигом пристроила этот горисветовский дворец под что-нибудь полезное. Под отель, например! Или под элитный пансионат! Под лечебницу еще можно было бы. Потому что лока-

ция уж больно удачная, а места уж больно красивые. Все самое необходимое для дорогого и экологичного отдыха под рукой: и лес, и река, и заливные луга. Опять же цивилизация близко. Деревня всего в двух километрах, а город в двадцати. Вот так бы поступила Мирославина бабуля. Ну, или сама Мирослава, если бы ее спросили. Но ее, разумеется, никто не спрашивал. Ни Всеволод Мстиславович, ни его сын Славик. А все потому, что у Горисветова старшего была идея фикс! То есть, идея фикс была у его прабабки, а он всего лишь подхватил упавшее знамя.

Мирослава обернулась, вперила взгляд в портрет дамы, яркой и даже по нынешним стандартам красоты весьма сексапильной. Портрет висел на самом видном месте, прямо под фамильным гербом. Герб был прост и незатейлив: горящая свеча над двумя скрещенными мечами. Свеча как светоч знаний, мечи как символ боевого прошлого. На рассказы о боевом прошлом Всеволод Мстиславович не скупился, а вот про прабабку информации было совсем немного. Мирославе удалось узнать лишь, что Агния Витольдовна была дамой по тем временам продвинутой и решительной. Рано овдовев, она с большим умом сумела распорядиться немалым наследством, доставшимся от супруга.

Про красоту и ум вдовствующей графини ходили легенды, но замуж она больше не вышла, жизнь вела уединенную и затворническую, а уж смерть ее и вовсе стала тайной за семью печатями. Никто о том, как и когда покинула этот бранный мир Агния Горисветова, не знал или, если даже и знал, то не желал распространяться. По крайней мере, никакой информации об обстоятельствах ее кончины Мирослава так и не нашла. Одни лишь сплетни и глупые домыслы. Впрочем, и искала не так чтобы очень старательно. Все как-то не до того было с этой чертовой школой.

Кстати, о школе! Тогда она называлась по-простому – приютом для одаренных сирот. Разумеется, никакой золотой молодежи! Чистейшей воды альтруизм и подвижничество! Агния собирала перспективных сироток по всей стране, давала пищу и кров, развивала их таланты. Согласно семейной легенде, из сироток выросли весьма незаурядные личности. Ученые, музыканты, врачи. Имелся даже один дипломат. Вот такой удивительной личностью была Агния Горисветова! Настолько удивительной, что слава ее не давала покоя Всеволоду Мстиславовичу. Догоним и перегоним прогрессивную бабульку! Дальше, выше, быстрее! Или как там было в оригинале?..

Мирослава поморщилась, отвернулась от портрета. Тетка на портрете, хоть и была вполне себе секси, но смотрела недобро. Наверное, чуяла, что Мирослава зарится на ее высококель-можную кровиночку. А Мирослава зарилась не на кровиночку, а на вот это вот все!

Она посмотрела на открывающийся с высоты второго этажа пейзаж. Сентябрь выдался на удивление теплым, по-летнему жарким, но скоро осень позолотит макушки старых парковых кленов, а потом они станут багряно-красными, как мантия несравненной Агнии. Лес и овраг еще держатся, сохраняют сочную зелень, но скоро и их коснется дух увядания. Сразу, как только солнце утратит свою прежнюю власть. А пока солнечные лучи подкрашивают рыжим стены Свечной башни. Из этого окна башню не увидеть. Да и не очень-то хочется на нее смотреть! Жуткая постройка, вырывающаяся из общей благостно-пасторальной композиции усадьбы. Ни уму, ни сердцу, как сказала бы Мирославина бабушка. Но Свечную башню построила не Мирославина бабушка, а Горисветовская была в своем праве – блажила, как хотела! И, пожалуй, впервые изменила чувству стиля и вкуса.

Свечная башня носила это странное название по двум причинам. Во-первых, она была похожа на свечу. Огромную черную свечу с виртуозно сымитированными наплывами воска и смотровой площадкой в форме застывшего пламени. Пожалуй, Свечная башня единственная не подверглась никакой переделке. Как стояла сотни лет гигантским черным подсвечником, так и осталась стоять. И механизм, имитирующий пламя свечи, говорят, работал еще лет пятьдесят назад. Сложный какой-то механизм, высокотехнологичный для того времени. Когда он работал, башня превращалась в самую настоящую гигантскую свечу. Этаким циклопический све-

точ. Вот вам и вторая причина! Спроектировал и построил этого монстра чумовой архитектор Август Берг. Мирослава специально погулила. Берг и в самом деле был чумовой, как сказали бы воспитанники горисветовской школы. Один только замок посреди озера чего стоил! Готика на окраине провинциального уральского городка Чернокаменска. Поди ж ты, какой затейник!

К башням у Берга была какая-то особенная слабость. Мирослава насчитала с дюжину. Это если не брать во внимание уже разрушенный, но сохранившийся на репродукциях и открытках чернокаменский маяк. Если здешняя башня была похожа на свечу, то тамошний маяк – на огромную, вздымающуюся к небу черную змею. Затейник, что ты скажешь!

Мирослава зябко поежилась, возвращаясь мыслями к пропавшей Василисе Свиридовой. Может и не пропавшей вовсе! Скорее всего, не пропавшей, но маменька ее уже позвонила в школу, устроила истерику, когда ее кровиночка не пришла домой. Значит, нужно озаботиться поисками девочки. Именно ей озаботиться, потому что большой босс в Москве, а Славик и вовсе за границей на каком-то чертовом симпозиуме. И действовать нужно быстро, пока не поползли слухи, что из элитной школы пропадают воспитанники. За такое Всеволод Мстиславович по головке не погладит.

Вообще-то, Василиса была не совсем воспитанницей, не на полном, так сказать, довольствии. Тот самый случай с грантами для поддержки талантливой, но малоимущей детворы. Их, таких талантливых и малоимущих, в Горисветово было процентов десять. Всеволод Мстиславович называл их десятиной. Посильный вклад в развитие и поддержку провинциальных гениев. Как раз чтобы не упасть в грязь лицом перед Минкультом и Минобром. Ну, и перед боженькой чтобы засветиться. Вот он я – меценат и подвижник Всеволод Горисветов! Это уже инвестиции в будущее, очень далекое будущее. Но такой человек, как Всеволод Мстиславович, ничего не пускал на самотек.

Вот так и вышло, что двенадцатилетняя Василиса Свиридова стала частью этих инвестиций. Была ли она из малоимущей семьи? Безусловно! Василисина маменька работала в деревенской библиотеке. Какое уж тут имущество от такой работы? Имени папеньки в Василисиной анкете и вовсе не значилось. Получалось, что девочка из неполной, малообеспеченной семьи. Была ли она талантлива? На взгляд Мирославы, была! Она рисовала. И это были не какие-то подростковые каляки-маляки, которые с большой натяжкой и лишь под определенным углом зрения сошли бы за примитивизм или абстракционизм. Это были взрослые, совершенно самостоятельные картины. Хотите – стремительные карандашные наброски! Хотите – нежнейшая акварель. А хотите – портрет с фотографической точностью. И везде эта искра гениальности. Один раз увидишь, не забудешь уже никогда. У Мирославы было уже две картины Василисы, и она думала, что когда-нибудь они станут прекрасными инвестициями в не менее прекрасное и безбедное будущее.

Поскольку девочка была из местных, то не было никакой необходимости в ее постоянном проживании в Горисветово. Так, полупансион с двухразовым питанием, формой с вышитым золотом гербом, продвинутой школьной программой, похвастаться которой могли далеко не все столичные гимназии, и индивидуальными занятиями живописью, графикой, композицией, скульптурой и историей искусств. Учителя приезжали в усадьбу несколько раз в неделю специально ради Василисы. Впрочем, в этом как раз не было ничего удивительного. Школа практиковала и пропагандировала индивидуальный подход к каждому из своих воспитанников. Помимо перечисленных плюшек имелся и еще один существенный бонус. Василиса получала стипендию, которая в несколько раз превышала зарплату ее маменьки. Как маменька распоряжалась этими деньгами, Мирославе было наплевать, ее больше заботило то, что происходило с воспитанниками в стенах школы. А теперь вот оказывается, что и происходящее за стенами тоже в сфере ее интересов и ответственности...

За спиной гроыхнуло, скрипнуло, послышался тяжкий вздох. Это вернулась отправленная с распоряжениями Лисапета. Комплекция у этой дамы была такой, что двигалась и

существовала она очень громко. Наверное, специально для того, чтобы воспитанники успевали замести следы своих мелких детских преступлений задолго до появления старшей воспитательницы.

Мирослава тоже вздохнула, обернулась.

– Лизавета Петровна, ну что? – спросила она своим специальным официальным тоном. Таким тоном она разговаривала почти со всеми обитателями школы. Вынужденная мера, как сказала бы ее бабушка. Слишком молода, чтобы внушать доверие. Слишком красива, чтобы внушать симпатию. Остается давить авторитетом и вот этим своим официальным тоном.

– В школе ее нет, Мирослава! – Отдуваясь и обмахиваясь картонной папкой с надписью «Дело№», сообщила Лисапета. Эта во всех отношениях выдающаяся дама упрямо отказывалась называть Мирославу по имени отчеству.

– Сергеевна, – сказала Мирослава мягко, но с намеком на угрозу в голосе. – Мирослава Сергеевна, будьте так любезны.

Лисапета снова вздохнула, кивнула.

– Нет ни в учебных классах, ни в мастерской, ни на конюшне, ни вообще на территории, – пробасила она. – Я отправила спортсменов, чтобы прочесали парк.

Мирослава раздраженно покачала головой. Спортсменами Лисапета называла четверых великовозрастных балбесов из золотой молодежи. Спорт их был так же красив, бесполезен и дорог, как и они сами. Большой теннис – это тебе не шахматы! Это тебе корты, ракетки, форма! Это тебе тренер, выписанный аж из самой Москвы. И в перспективе поездки на зарубежные турниры. Спортсмены были проектом инвесторов, а не Минобра, поэтому кроме регулярных немалых пожертвований ничего в копилку школы не приносили. Зато были постоянным источником Мирославиной головной боли, умели влипнуть в неприятности, поэтому требовали неусыпного контроля. И вот Лисапета отправила их на поиски Василисы Свиридовой!

– Нашли, кого отправить, Лизавета Петровна, – процедила Мирослава сквозь сжатые зубы.

– Кто под руку попался, того и отправила, – проворчала Лисапета. – А что мне, по вашему, раздвоиться?

– По-моему, вам следует лучше выполнять свои профессиональные обязанности, – отчеканила Мирослава и, предотвращая возможные возражения, махнула рукой.

Лисапета намек поняла. Она была упрямой теткой, но четко знала, за какую черту заступать не стоит, умудрялась балансировать на самой грани.

– Если девочки нет ни в здании, ни на территории, значит, нужно снарядить поисковую экспедицию! – Мирослава решительным шагом направилась к выходу из кабинета.

Она сама намеревалась возглавить эту экспедицию. Как говаривала бабуля, хочешь, чтобы дело было сделано хорошо, сделай его сама. Кажется, придется.

– Кого назначим? – Лисапета двинулась следом. – В спасательную экспедицию, кого возьмем, Мирослава?

– Сергеевна, – процедила Мирослава, не оборачиваясь. – И не в спасательную, а поисковую. Типун вам на язык, Лизавета Петровна!

Лисапета за ее спиной хмыкнула, засопела, но не обиженно, а озадаченно.

– Две дороги ведь до деревни, – рассуждала Мирослава на ходу. – Тропинка и кружной путь. Так?

– Так. Но кружной путь – это крюк в три километра, тогда как можно напрямки через овраг. – отозвалась Лисапета. – Девочка ж деревенская была. Зачем ей?

Мирослава остановилась так стремительно, что не успевшая затормозить воспитательница едва не сшибла ее с ног.

– Почему была? – спросила она, глядя на Лисапету снизу вверх. – Что вы такое говорите?! Василиса Свиридова жива и здорова! Мы найдем ее в течение получаса!

Она говорила зло и уверенно, но по позвоночнику вдруг пополз мерзкий холодок. Он полз от затылка к копчику, оставляя на коже липкий след. Так отзывалась на неминуемые неприятности Мирославина интуиция.

– Который час? – спросила она и тут же бросила взгляд на свои наручные часы.

– Четверть пятого. – Лисапета тоже посмотрела на ее часы. – Так кого пошлем, Мирослава Сергеевна?

И никакой многозначительной паузы между именем и отчеством, все четко и, кажется, испуганно.

– Валик еще не уехал в город?

Валик Седой был спортивным тренером. Тренировал он не золотую теннисную молодежь, а всех остальных воспитанников. В здоровом теле – здоровый дух! Еще одна догма, которой следовал Всеволод Мстиславович.

– Уехал.

Мирослава снова многозначительно глянула на часы. Рановато уехал Валик, почувствовал вольницу в отсутствие большого босса. Придется с ним поговорить. Сначала мягко, по-дружески, а там уж как получится. Жизненный опыт подсказывал Мирославе, что с людьми из прошлого очень сложно сохранять дистанцию. Они все время норовят эту дистанцию нарушить, либо и вовсе сократить до минимума. Валик однажды попытался, прижал Мирославу в учительской, приготовился лапач. Так сказать, по старой памяти. Потом долго ходил в раскоряку, потому что, оказавшись зажатой в углу, Мирослава сначала действовала, а потом уже думала. С того самого дня отношения у них установились дипломатические и дистанцию Валик больше не нарушал. Наоборот, старался увеличить ее до максимально возможной. Вот уже с работы свинтил.

– Так они все того... с оказией уехали, – сообщила Лисапета не без злорадства. – У Семена Яковлевича прихватило спину, за ним зять из Чернокаменска приехал на микроавтобусе, ну вот они и того... уехали. Мирослава, да что ж тут страшного-то?! Уроки уже полчаса как закончились, чего людям еще полчаса мучаться?

– Сергеевна, – сказала Мирослава с нажимом.

– Сергеевна, – послушно повторила Лисапета. – Да не злитесь вы. Все ж живые люди.

– Хоть кто-нибудь остался?

Она не злилась, она просто сделала зарубку на только ей одной видимой стене памяти. Еще одну зарубку в длинной череде.

– Этот еще не уехал, кажись! – Лисапета прищелкнула пальцами, наверно вспоминая имя единственного ответственного учителя школы. – Фрост! Видела пару минут назад его монстру.

– Фрост?! Это кто вообще? – Мирослава нахмурилась. – Всех учителей школы она, разумеется, знала, но об этом слышала впервые. Еще и монстра какая-то...

– Хакер, – усмехнулась Лисапета.

– Не помню такого.

– Потому и не помните, что он – внебюджет... Или как там правильно называется? Благотворительность?... Одним словом, он не числится в штате, никому не подчиняется. Сам по себе он, вот как!

В Горисветово никто и никогда не был сам по себе. На всех имелась папочка с личным делом и файл на компе большого босса. Мирослава подозревала, что даже на нее. А хакер по фамилии Фрост, выходит, был сам по себе. Или это вообще не фамилия?..

– С чего бы? – спросила она, ни к кому конкретно не обращаясь.

– С того, что бесплатно работает. Сказал, не надо денег. Представляете?! Кому в наше время не надо денег?!

– Хорошему айтишнику, может, и не надо. Вот только не много я видела среди них мекенатов. Наверное, добрейшей души человек, раз забесплатно согласен работать? – Мирослава посмотрела на Лисапету.

– Да кто ж его знает? – Та пожала плечами. – По виду оболтус оболтусом.

– Ладно, главное, чтобы еще не уехал!

На оболтуса и хакера Фроста у Мирославы уже имелись конкретные планы. Пусть поучаствует в поисках Василисы, раз уж такой добрый. Она сдернула с вешалки пиджак.

– Зовем на помощь всех, кто подвернется под руку!

– Старшекласников еще можно... – поддакнула Лисапета.

– Старшекласников нельзя, – отрезала Мирослава. – Не хватало еще детей в это впутывать.

– Во что – в это? – почему-то шепотом спросила Лисапета. – Мирослава, ты думаешь, оно снова...

– Хватит! – рявкнула Мирослава. – В последний раз предупреждаю вас, Лизавета Петровна, о необходимости соблюдения субординации! И прекратите мне эту... – Она сделала глубокий вдох. – Прекратите панику, – закончила уже почти спокойно.

Она не стала слушать, что ответит Лисапета, решительным шагом вышла из кабинета, сбежала по беломраморной лестнице в холл первого этажа. Ей бы не бежать, как глупой школьнице, а спускаться степенной походкой, потому что вид бегущего генерала в мирное время вызывает смех, а в военное – панику. Так сказала бы бабуля. Но именно паника заставляла Мирославу перепрыгивать сразу через две ступеньки, рискуя сломать либо каблуки, либо ноги. Переобуться бы, но некогда. Она и без того потеряла непростительно много времени, доверив поиски девочки Лисапете. Лисапета, кстати, не отставала, Мирослава слышала ее сопение за своей спиной.

Оказавшись на крыльце, Мирослава осмотрелась. Школа жила своей привычной жизнью. Со стороны конюшен доносилось конское ржание, а со стороны стадиона – молодецкое. Старшекласники, воспользовавшись хорошей погодой, гоняли на стадионе мяч. За углом дома мерно стрекотала газонокосилка. Почти благодать, вот только на сердце отчего-то неспокойно. И позвоночник сковало холодом.

– Вон она! Монстра! – переведя дыхание, сообщила Лисапета и рукой махнула в сторону подъездной дорожки.

На дорожке стоял черный, как сажа, байк. На первый взгляд очень дорогой и явно кастомизированный. Вполне себе симпатичная монстра.

– А вон и хозяин! – выдохнула Лисапета.

Мирослава уже и сама видела хозяина монстры. Высокий, патлатый, в затертых до дыр джинсах и такой же затертой косухе. Ну конечноже, провинциальным хакерам так и положено выглядеть... Понты дешевые.

– Господин Фрост! – Лисапета уже махала ему рукой и колыхалась из стороны в сторону всем своим необъятным телом. – Господин Фрост, как хорошо, что вы еще не уехали!

Мирослава не без злости подметила, с каким энтузиазмом Лисапета называет хакера господином. Да и в тоне ее слышалось какое-то непозволительное для такой степенной дамы кокетство. Хакер остановился, посмотрел сначала на Лисапету, потом на Мирославу и не слишком уверенно помахал в ответ.

– Сейчас я вас познакомлю, – прошептала Лисапета.

– Не надо, – отрезала Мирослава и решительно направилась навстречу хакеру. – Сама как-нибудь справлюсь.

Пока она шла, он не сделал и шага навстречу, стоял, рассматривал. В его взгляде не было присущей тренеру Валику беспардонности, но Мирославе отчего-то сделалось неловко. Всего на пару секунд. Ее такой мелочью, как внимательный взгляд, не смутишь.

– Господин Фрост! – сказала она утвердительно, сразу давая понять, что в курсе, кто он такой, и руку протянула. – Я заместитель Всеволода Мстиславовича.

Вообще-то, не было у нее особой должности в этой элитной школе. Не пришей кобыле хвост, как сказала бы бабуля. Наверное, честнее было бы представляться помощницей, но Мирослава сразу для себя решила, что не станет мелочиться. В конце концов, зарплату ей платили весьма достойную, не как какой-то там помощнице.

– Это Мирослава... Сергеевна. – Вот и Лисапета подросла. – Она у нас...

– Хватит, – сказала Мирослава мягко, но твердо.

– Очень приятно. – Хакер Фрост пожал ее руку.

Рукопожатие у него оказалось каким-то осторожным, хотя Мирослава уже приготовилась было к этакому маленькому противостоянию. И тонкую лайковую перчатку он не снял. Все понятно с уровнем его культуры. Еще удивительно, что волосы чистые. Или это так нечаянно получилось? Мирослава принялась, не пахнет ли от него чем-нибудь этаким: невымытым телом, съеденной накануне пищей, выпитым пивом. От него пахло, но на удивление приятно. Парфюм, если не селективный, то уж точно люксовый. Может быть, она даже вспомнит, какой именно. Но это потом. Сейчас есть дела поважнее.

– Нам нужна ваша помощь, – сказала она. – Полчаса времени. Это возможно?

– Конечно. – Он не стал спрашивать, на что именно понадобилось ей его время, он смотрел на нее сверху вниз холодными серыми глазами. И во взгляде его Мирославе мерещилось... Что-то такое мерещилось одновременно очень важное и несущественное.

– У нас пропала ученица! – сунулась с пояснениями Лисапета.

– Не пропала, – поправила ее Мирослава. – Девочка ушла с занятий, но до сих пор не появилась дома.

– Сколько времени прошло? Давно она ушла? – Он задавал правильные вопросы. Те вопросы, которые Мирослава боялась задать себе самой, когда пялилась то в окно, то на портрет Агнии Горисветовой.

– Два часа, – сказала она, бросив быстрый взгляд на наручные часы. – Плюс-минус пятнадцать минут.

– И вы уже волнуетесь? – Он не улыбался и не иронизировал, он просто собирал информацию. Для хакера он был подозрительно серьезен.

– Мама девочки волнуется. Так вы можете?

Он молча кивнул в ответ. Было в этом кивке что-то снисходительное. Во всяком случае, Мирославе так показалось.

– Что от меня требуется?

– Вы на мотоцикле, значит, вам будет проще проехать по объездной дороге. Обычно местные ею не пользуются, но лучше удостовериться, что девочки там нет.

– А вы?

– А я пойду по дну оврага в сторону деревни. Это более вероятный маршрут.

– Одна? – зачем-то спросил он.

– Одна. Что в этом странного?

– Ничего. – Фрост пожал плечами и нахлобучил на голову черный мотоциклетный шлем. – Я поехал, если... – Шлем заглушил голос, и Мирослава так и не расслышала продолжение фразы. Да ей и недосуг. Ей тоже нужно выдвигаться.

Ей пришлось кричать, чтобы в реве байка Лисапета смогла ее услышать:

– Еще раз обыщите школу! Если девочка найдется, немедленно мне позвоните!

Она не стала дожидаться ответа, пошагала по парковой дорожке не к центральным воротам, через которые только что пролетел черный байк, а к запасной калитке. Через эту калитку в Горисветово попадал персонал и ученики из местных. Так им удавалось «срезать» изрядный участок пути, сразу же оказавшись на ведущей к деревне тропе.

Впрочем, сначала это была не тропа, а полноценная дорога, по которой могли запросто идти два человека. Каблуки Мирославиных модельных туфелек почти не проваливались в плотную землю. Идти получалось быстро, но все равно хотелось побежать. Не к добру. Ох, не к добру...

Минут через десять дорога снова превратилась в тропу, которая запетляла между старыми кленами. Лес вокруг Горисветово был смешанный, с густым подлеском. Была бы Мирославина воля, она бы вырубилась подлесок к чертовой матери, но Всеволода Мстиславовича и деревенских все устраивало. И плевать, что детям приходится пробираться сквозь эти джунгли. Хорошо, хоть дикого зверья здесь нет... Зверья нет, а кто есть?.. Мирослава остановилась, потеряла глаза. Ей нужно было время. Совсем чуть-чуть времени, чтобы прийти в себя и собраться с духом.

Сколько лет она не ходила этой тропинкой? Много! Во взрослом возрасте, кажется, ни разу. Если ей было нужно попасть в деревню, она ехала туда на машине кружным путем. Собственно, и в деревне Мирослава появлялась нечасто. Там остался только один человек, которого она была рада видеть.

Но все это лирика, а реальность вот она – перед глазами. Извивается между старыми кленами и липами, скользит вниз по склону, петляет уже по дну оврага вдоль русла небольшой речушки и дальше почти до самой деревенской окраины никуда не сворачивает. Вот как тут вообще можно заблудиться? Заблудиться вряд ли получится, а спрятаться?

Дети любят играть в прятки. Она сама когда-то любила. Когда-то любила, а сейчас вот... ненавидит. И себя ненавидит за проявление слабости, а еще за то, что поперлась в овраг одна, не взяла с собой хоть кого-нибудь. Это ведь было бы разумно и рационально! Чем больше людей участвует в поисковой операции, тем больше вероятность удачного исхода. И обувь не сменила! Ну что за дура такая!

Злиться на себя было легко, злость хоть и ненадолго, но все же отгоняла панику. Или что она на самом деле отгоняла? Мирослава замерла посреди тропинки, зажмурилась. Вокруг была тишина. Почти абсолютная, почти могильная. И где-то за спиной то ли шепот, то ли вздох. И легкое прикосновение к плечу...

Она не хотела кричать. Не хотела играть в эту страшную детскую игру – прятки. Но она снова в нее играет...

Раз, два, три, четыре, пять...

Я иду искать...

Кто не спрятался, я не виноват...

А тот, кто стоит позади, чье ледяное прикосновение она ощущает вот прямо сейчас, соскучился по пряткам. По ней, Мирославе, соскучился!

Ее крик, придушенный и сиплый, оборвался в тот самый момент, когда Мирослава кубарем скатилась вниз, на дно оврага. За каблуки боялась... За ноги... Тут бы шею сберечь...

Наверное, не получилось, потому что мир, который кувырчался, словно цветные стеклышки в калейдоскопе, вдруг резко остановился, и Мирослава врезалась в него всем своим неловким, неприспособленным для игр в прятки телом. Стало сначала больно, потом сразу темно. Какое-то время из темноты доносился едва различимый шепот. Какое-то время чьи-то ледяные пальцы гладили Мирославу по лицу, а потом вцепились в горло. Вцепились и принялись душить...

* * *

...Она кричала и отбивалась от этих невидимых, беспощадных рук. Она знала, что умрет, но все равно продолжала бороться за свою жизнь. До тех пор, пока кто-то не гаркнул ей прямо в ухо:

– Да угомонись ты! И глаза открой! Слышишь ты меня?

Она слышала. Она даже могла дышать. Кажется. И холод ушел, сначала сконцентрировался в ледяную иглу в позвоночнике, а потом просочился сквозь толстую подушку мха в сырую землю.

– Ну давай, открывай глаза!

Этот невидимый и требовательный голос не отставал, не оставлял в покое. Но ее больше никто не трогал.

Мирослава открыла глаза, тут же попыталась сесть, но затянутые в черные перчатки ладони впечатали ее в подушку из мха.

– Не торопись, – сказал хакер Фрост.

Он стоял над ней на коленях, смотрел внимательно и немного... удивленно. А она была рада! Как же она была рада тому, что не одна! Нет, не тому, что не одна, а тому, что рядом человек. Живой человек!

– Почему? – спросила она сиплым голосом и шею потрогала.

– Вдруг ты что-то себе сломала, – сказал он и принялся ощупывать сначала ее руки, а потом и затянутые в порванные колготки ноги.

– Сдурел?! – Мирослава взбрыкнула. Вот прямо по-настоящему, чуть не заехала ему коленом в челюсть. – Руки убери, ненормальный!

– Почему ненормальный? – удивился он, но руки убрал, даже отодвинулся подальше. Наверное, давая понять, что ненормальная здесь как раз она.

Мирослава села, одернула юбку, прикрыла ладонями торчащие из дыр в колготках поцарапанные коленки, посмотрела строго и с укором.

– Что вы тут делаете, господин Фрост? – И спросила тоже строго, чтобы он сразу понял, ху из ху, и прекратил эти свои... лапанья. – Я же велела вам осмотреть дорогу!

– Велела... – Он хмыкнул так снисходительно, что Мирославе сделалось совсем уж тошно. Словно позора и порванных колготок было недостаточно.

– Попросила, – прохрипела она.

Она всегда хрипела в минуты особого волнения или особой опасности. Еще с детства. Сейчас было больше волнения, чем опасности. Ну, Мирослава на это надеялась. Она вообще не понимала, что такое на нее нашло, откуда вот это все темное и холодное. Появилось и исчезло, точно дуновение ветерка. Или не появлялось? Переработала? Перетрудила на благо горисветовоской школы для одаренной молодежи? Себя не берегла, вот и дожилась до глюков с кувырканиями по склону оврага.

– Я попросила, чтобы вы искали Василису.

– Я искал. – Он сел на моховую кочку, скрестив ноги по-турецки. Прохуdivшаяся джинса на его коленях побелела, и Мирослава подумала, что у него сейчас тоже появятся дырки на штанинах. Но ничего, джинса оказалась покрепче нейлона. – Смотался туда и обратно, никого не нашел. Решил помочь с поисками тут.

– Тут – это в овраге?

– Ну, так уж получилось. – Он пожал плечами. – Услышал вопль...

– Так уж и вопль... Я просто оступилась.

– Я так и подумал. Сначала вопль, потом грохот, потом вот это все. – Он развел руками, показывая масштабы ее падения. Падения во всех смыслах.

– Ничего особенного! Расходимся! – Мирослава встала и тут же чуть не упала снова. Каблук она все-таки сломала.

Она бы не упала. Больше никогда и ни за что! Но он все равно схватил ее за плечо. Хватка эта была крепкая, куда крепче недавнего рукопожатия.

– Осторожно. – Он не иронизировал и не улыбался, он снова вглядывался в ее лицо. Внимательно и, кажется, встревоженно.

– Да куда уж осторожнее! – Мирослава повела плечом, стряхивая его ладонь.

Она злилась. И даже не из-за того, что этот патлатый хакер увидел ее в неприглядном виде, валяющуюся на дне оврага. Она злилась, что потеряла время. И потеряет еще больше, потому что дурацкий каблук дурацкой туфли сломан. Потому что ей теперь не бегать в поисках Василисы, а только ковлять.

– Дай вторую, – сказал Фрост и протянул руку.

– В смысле?

Мирослава так растерялась, что даже на мгновение перестала злиться.

– Вторую туфлю. Отломаю каблук, получится симметрия.

В его словах было рациональное зерно, и Мирослава сняла туфлю.

Каблук он отломал быстро. Вот такое хреновое качество у дорогой итальянской обуви!

– Где твой мотоцикл? – спросила она, обуваясь.

Теперь, когда он видел ее поцарапанные коленки и слышал, как она орет от ужаса, можно, наверное, перейти на новую ступень общения. Но только за пределами школы! В стенах никакой фамильярности! Это Мирослава решила для себя раз и навсегда. Если хочешь, чтобы тебя уважали, держи дистанцию.

– Там. – Он посмотрел вверх. – А мы куда?

– Прямо! – Мирослава ступила с мягкой моховой кочки на присыпанную речными камешками тропинку. – Местные ходят этим путем.

Она шла впереди, он следом, потому что на узкой тропе двоим не было места, а уступить лидерство в поисках Василисы Мирослава не собиралась.

– Долго еще? – спросил Фрост за ее спиной.

– Метров пятьсот – и выйдем на опушку. Там до деревни рукой подать. – Она замерла. Фрост оказался не таким расторопным, как Лисапета, и едва не сбил ее с ног. Сбил бы наверняка, но вовремя поймал за руку, не дал свалиться с ног.

– Что такое? – спросил с вежливым интересом, словно бы у них была не поисковая операция, а легкая прогулка.

– Вот! – Мирослава подобрала с земли ветку, шагнула к самой кромке воды, подцепила бумажный кораблик, вытащила на сушу. – Это ее!

– Девочки?

– Василисы! Это ее кораблик.

– Откуда тебе знать? Он же не подписан. – На кораблик Фрост смотрел с сомнением, брать его из рук Мирославы не спешил.

– Считаю, подписан. – Она отряхнула кораблик от воды. – Это бумага для рисования. Очень дорогая бумага. Школа закупила партию специально для Василисы. Она рисует.

– Рисует?

– Школа для талантливой молодежи, если ты понимаешь, о чем я. Василиса талантливая, очень талантливая девочка!

– Как ты? – вдруг спросил он.

– Почему, как я? При чем тут вообще я?! Не важно! – Мирослава взмахнула зажатым в пальцах корабликом. – Бумага еще не размякла. Значит, она запускала кораблик недавно.

– Два часа, плюс-минус пятнадцать минут.

– Ты издеваешься?

– Я уточняю время. Девочка проходила здесь несколько часов назад... – Он вдруг замолчал, посмотрел поверх Мирославиной головы. – Дай-ка мне!

Ветку он выхватил из ее рук с поразительной скоростью и ловкостью. Выхватил и принялся шуровать ею в воде. На поверхности появился сначала один бумажный кораблик, потом второй, а потом целая затонувшая флотилия.

– Это что вообще? – спросила Мирослава, наблюдая за тем, как он выкладывает на берегу кораблики. Получилось восемь штук. Причем, два из них на кораблики уже почти и не были похожи.

– Это ее флотилия. Я так думаю, она каждый день по дороге домой запускала по одному кораблику. Кораблик плыл, она шла следом, наблюдала. А тут такое место... затон, изгиб русла. Видишь? Тут они застревали, намокали и уходили под воду. Последний не ушел, потому что еще не размок. Пойдем!

– Куда? – Как так получилось, что главным в их поисковой операции стал этот патлатый хакер? Не в тот ли момент, когда она, Мирослава, потеряла лицо и авторитет, кувыркнувшись в овраг?

– Дальше вдоль русла.

Он не стал дожидаться, отодвинул Мирославу, пошагал вперед. Его обтянутая косухой спина мешала обзору. Мирослава злилась, вертела головой по сторонам. Здесь, на дне оврага, тоже был подлесок: густой ивняк и клочковатые заросли рогоза вдоль берега. Мирославу снова обдало холодом. Она вдруг представила, как Фрост шурует веткой в воде и вместо бумажного кораблика вытаскивает на сушу мертвое детское тело...

Дичь какая! Откуда? С чего вообще такое пришло в голову?! Не было такого никогда! Не такое было... Совсем не такое, но вспоминать об этом не нужно. Психолог запретил еще много лет назад. Провел ревизию в Мирославиной голове, разложил все по полочкам. Вот стеллаж с безопасными воспоминаниями. Вот с относительно безопасными. А вот за эту обшарпанную дверцу лучше не заглядывать. Да, из-под нее пробивается свет. Но что это за свет такой? Кто его зажег и для чего? Вот рыба-удильщик... она тоже зажигает свет, забавный огонек на удочке. А что потом? Для чего она его зажигает?..

Мирослава сначала остановилась, а потом присела на корточки, уже нисколько не заботясь о порванных колготках и поцарапанных коленках. Волны накатывали одна за другой. Сначала холодная, потом горячая... В голове шумело. Хотелось лечь прямо тут, на зыбком речном берегу, закрыть глаза и видеть только пробивающийся из-под закрытой двери свет. Она знала, что там, за дверью. Когда-то знала, а теперь забыла.

– Эй. – На плечо легла тяжелая ладонь, и Мирослава едва не вскрикнула. Зато волны откатили все разом: и холодные, и горячие. – Что с тобой?

Она видела только его заляпанные грязью боты. Так не пойдет, надо встать!

– Голова закружилась. – И она встала. Даже не покачнулась. Только ноги в изуродованных лодочках пришлось расставить пошире. На всякий случай.

– Может сотрясение? – Фрост смотрел озабоченно. Но это была забота очень особенного рода. Мирослава его задерживала, мешала двигаться вперед, искать Василису. Не забота, а озабоченность.

– Нет у меня никакого сотрясения!

А голос снова сделался сиплым. С голосом у Мирославы была беда. Она даже с фониатром одно время занималась, чтобы научиться контролировать вот эту натужную, почти истеричную хрипотцу. Фониатр, лучший на всю область специалист, не находил в устройстве Мирославиных голосовых связок ничего особенного и по простоте душевной посоветовал ей сеансы у психолога.

Не его вина! Он просто не знал, что все эти психологи-психотерапевты для Мирославы давно были пройденным этапом. Помогли себе сама, детка! Вот такой у нее был девиз! Хотя, если быть до конца честной, психолог помог. Расставил в Мирославином подсознании стеллажи, крепко-накрепко запер опасную дверцу. Вот только со светом так и не смог ничего сделать. Но свет – это ведь не самое страшное в жизни. Свет всяко лучше темноты! А стеллажи и привычка все структурировать и раскладывать по полочкам весьма помогли в карьере. Да, благодаря психологу Мирослава стала очень организованной и очень целеустремленной. Он

ничего такого не говорил про сублимацию, но и она сама была не лыком шита, почитывала на досуге спецлитературу. Вот и про сублимацию знала не понаслышке, только никак не могла взять в толк, что именно так удачно сублимирует.

Фрост еще какое-то время ее разглядывал, а потом кивнул и пошагал вперед.

– Скажи, если вдруг снова занеможешь.

– Занеможешь... – фыркнула она, срывая и засовывая в рот прибрежную былинку. Былинка была сухой и имела вкус пыли, но Мирослава упрямо сжала ее зубами. Упрямство – это еще одно из ее выдающихся качеств!

Дальше лесной подшерсток и прибрежные заросли Фрост обшаривал сам. Ничего они не нашли! Ничего и никого! Молча вышли на лесную опушку, молча уставились на чуть покосившийся, но явно обитаемый дом – аванпост прячущейся за кустами сирени и чубушника деревни.

– Идем дальше? – спросил Фрост.

– Отвернись, – велела Мирослава.

Он снова не стал спрашивать, зачем – молча повернулся спиной. Мирослава торопливо стянула порванные колготки, ими же стерла подсохшую кровь с коленок, а потом забросила в кусты. Вред экологии был нанесен серьезный, но не таскать же колготки с собой! Еще хорошо, что до сих пор не смылся загар, и ноги даже без колготок выглядят вполне прилично.

– Все, – сказала Мирослава, одергивая юбку. – Поворачивайся.

Он не стал оборачиваться. Наверное, уже посмотрелся на ее разбитые колени. Вместо этого он спросил:

– Ты знаешь, где она живет?

Мирослава знала. Маленький домик недалеко от сельского магазина. Некогда аккуратный, выкрашенный в веселый голубой цвет, а сейчас унылый, нуждающийся если не в капитальном ремонте, то хотя бы в косметическом. И, будь это Мирославин дом, палисадник она бы тоже привела в порядок, постригла бы огромный куст сирени, рассадил бы одичавшие хризантемы, покрасила забор и лавку. Ведь это же просто и недорого! И дом бы сразу стал веселее и наряднее. Но Василисина маменька была дамой тонкой душевной организации. Слишком тонкой, для такой банальщины, как создание уюта и красоты. Наверное, она считала себя этакой тургеневской девушкой, а Мирослава считала ее просто ленивой дурой, которая не занимается ни бытом, ни единственной дочерью. Неудивительно, что Василиса не рвется после уроков домой. Мирослава бы тоже не рвалась.

– Так куда мы дальше? – спросил Фрост.

– В библиотеку! – сказала Мирослава.

Другой бы на его месте спросил, причем тут вообще библиотека, но хакер Фрост был на удивление нелюбопытен. Однако, он знал, где находится библиотека, потому что не стал дожидаться инструкций, а самолично выбрал правильное направление.

– Бывал здесь? – спросила Мирослава, глядя в его широкую спину.

Он остановился, обернулся, посмотрел на нее этим своим странным, слегка удивленным взглядом, кивнул.

– Доводилось. А ты?

Он отвернулся, пошагал вперед, и получалось, что Мирослава опять разговаривает с его спиной.

– Тоже доводилось, – процедила она.

Библиотека располагалась в сельском клубе. Или как нынче называлось это приземистое двухэтажное здание? Мирослава присмотрелась. Никакого упоминания о том, что некогда здесь был клуб, она не нашла. Зато увидела вывеску «Комбинат бытового обслуживания № 3». Можно подумать, где-то поблизости имелись КБО № 1 и КБО № 2!

Они поднялись по шербатым ступеням крыльца, Фрост толкнул дверь, пропуская Мирославу вперед в пыльный сумрак коридора. Еще и в спину легонько подтолкнул, когда она замерла в нерешительности. Этот небрежный и фамильярный жест так сильно ее разозлил, что захотелось врезать наглому детинушке под дых. Бить под дых детинушек она умела. Имелась на ее тайных стеллажах и коробочка с такими вот специфическими знаниями, пылилась за ненадобностью в дальнем углу. А сейчас бы пригодилась.

Но бить Фроста Мирослава не стала, решила проявить гуманизм. Опять же, еще неизвестно, как сложатся их дальнейшие отношения. Если можно не усугублять, то лучше и не усугублять. Это уже не бабушкин постулат, этот ее собственный. Набралась ума-разума за все эти годы.

По коридору Мирослава шла осторожно, почти на цыпочках. Фрост тоже не шумел, в своих грубых ботинках двигался он на удивление тихо, даже косяком не скрипел. Помещение библиотеки располагалось в конце коридора. Было оно большое, просторное, праздничное. По крайней мере, маленькой Мирославе так казалось. А бывала она в детстве здесь часто, потому что бабуля работала в клубе библиотекарем. Еще в те славные времена, когда это был именно сельский клуб, а не какой-то там «КБОН № 3».

Дверь, ведущая в библиотеку, была закрыта, несмотря на то, что работать библиотека должна была до шести вечера. Василисина маменька, как любая уважающая себя тургеневская девушка, пунктуальностью не заморачивалась. Зато она заморочилась тем, чтобы аккуратным почерком вывести под графиком работы «Директор библиотеки – Гала Федоровна Свиридова». Мирослава знала наверняка, что Галу Федоровну родители нарекли обыкновенной Галей – по-простому, по-деревенски. Но Галей жить неинтересно, гораздо интереснее и эстетичнее жизнь у Галы. Веет таким сюрреалистичным, намекает на душевное родство с самим Сальвадором Дали. Это если забыть про родство с Тургеневым. Мирослава была почти уверена, что и Василису Гала пристроила в горисветовскую школу в надежде прикоснуться к чему-то по-настоящему прекрасному, а не надуманному. Опять же стипендию не стоит сбрасывать со счетов.

Пока Мирослава размышляла над сложностью душевной организации Галы Свиридовой, Фрост несколько раз подергал дверную ручку.

– Райком закрыт! Все ушли на фронт! – сказал, прислоняясь плечом к стене. – Расходимся?

Но не была бы Мирослава Мирославой, если бы сдалась так быстро! Не говоря ни слова, все так же на цыпочках, она пошла по коридору, на ходу мягко и бесшумно нажимая на дверные ручки. Ей повезло, та самая дверь оказалась не заперта. Когда-то, еще во времена Мирославиного детства, в этой комнате располагалась гримерка. Да-да, в сельском клубе имелся свой собственный самодеятельный театр и своя собственная гримерка! Сейчас от театрального и богемного тут ничего не осталось. Гримерку превратили в склад ненужных вещей, но дверь, которую надеялась найти Мирослава, была на месте. И запиралась эта дверь на обыкновенную щеколду. Сейчас щеколда была откинута, а сама дверь слегка приоткрыта.

– Это что за Нарния? – шепотом спросил Фрост.

– Это гримерка, – сказала Мирослава и толкнула дверь. – Она смежная с библиотекой, и ее всегда забывали закрывать.

Дверь открылась без скрипа, и Мирослава шагнула в свою собственную Нарнию, некогда наполненную чудесами и удивительными существами, а сейчас затянутую паутиной и пропахшую старой бумагой. Библиотекарем Гала была таким же хреновым, как и хозяйкой.

Не оборачиваясь на Фроста, Мирослава пересекла подсобное помещение, в котором бабуля любила пить чай с подругой Зоей Митрофановной, тогдашней заведующей клубом. Сейчас это был точно такой же хламовник, как и бывшая гримёрка. Дальше шел читальный зал с шестью письменными столами и раритетным лампами с зеленым плафонами. Судя по толстому слою пыли, ни залом, ни столами уже давным-давно никто не пользовался. Вся библио-

течная жизнь при Гале Свиридовой сосредоточилась в просторной комнате с тремя металлическими стеллажами, картотекой и письменным столом, за которым сидела худенькая девочка с косой до пояса.

От сердца отлегло. Оказывается, все это время Мирослава дышала вполсилы, а теперь вот вдохнула так глубоко и громко, что Василиса испуганно вздрогнула, развернулась всем телом, уставилась на них с Фростом черными пуговицами глаз.

– Она? – спросил Фрост, разглядывая Василису.

– Она. – Мирослава обошла стол, встала напротив девочки, спросила строгим голосом. Очень строгим: – Василиса, у тебя совесть есть?

– Есть. – Девочка кивнула. Перед ней лежал лист бумаги, точно такой же как те, из которых она делала свою маленькую флотилию. Вот только лист этот был перевернут рисунком вниз.

– А мобильник?

– Мобильника нет. – Василиса покачала головой и прижала лист бумаги ладонью, словно боялась, что Мирослава может попытаться его забрать. Сказать по правде, искушении было велико, но Мирослава свято чтит личные границы. Даже если это были границы двенадцатилетней девочки. – Мама говорит, что от них опасное излучение.

Ну понятно! Опасное излучение ж куда опаснее, чем невозможность в любой момент связаться со своим детенышем!

– А уши? – Мирослава не собиралась отступать и намеревалась довести дело до конца, докопаться до истины.

– Уши? – Василиса моргнула. Ресницы у нее были черные и длинные. Ресницами и талантом она явно пошла не в маменьку. Хотелось бы, чтобы и умом тоже.

– Мы стучались. Ты слышала?

– Слышала.

– Так почему не открыла?

– Потому что дверь была закрыта снаружи.

Логично. Логично, но все равно мало!

– А голос? Голос у тебя есть?

Собственный Мирославин голос снова сделался сиплым. Надо думать, что от злости, а не от волнения. Чего волноваться, когда пропажа уже нашлась?!

– Мы тебя звали, – сказал Фрост. Спокойно сказал, вообще без эмоций.

– Вы меня не звали. – Василиса покачала головой. – Вы просто стучались в закрытую дверь.

И ведь не поспоришь! Мирослава, будь у нее собственные дети, первым делом учила бы их не открывать двери незнакомцам. Пусть даже это двери общественной библиотеки.

– Окей, – сказала Мирослава. – Хорошо, мы тебя не звали, но мы тебя искали.

– Почему?

– Потому что твоя мама волнуется! Ты не пришла вовремя домой! – Она не хотела срываться на сиплый крик. Само как-то получилось.

– Она не волнуется. – В отличие от Мирославы, Василиса была спокойна, только свой рисунок она теперь прикрывала сразу двумя ладонями.

– Откуда тебе знать? – спросил Фрост. Он задумчиво разглядывал русую макушку девочки и скреб затянутой в перчатку рукой щетинистую щеку. – Родители, знаешь ли, всегда волнуются из-за детей.

– Я уже взрослая! – Василиса дерзко вздернула подбородок. Ишь ты, взрослая она!

– Я тоже взрослый, но маме отзваниваюсь каждый день.

Мирослава усмехнулась. Надо же, хакер и байкер, а такой трепетный – маменьке каждый день звонит!

- Она не волновалась, – упрямо повторила Василиса. – Она была занята.
- Чем? – спросила Мирослава.
- Не чем, а кем. У нее был гость.

На лице девочки промелькнуло что-то такое... приправленное горечью и детской обидой. Фрост многозначительно посмотрел на Мирославу поверх ее головы. Мирослава ничего не желала знать про гостей Галы Свиридовой, но жизненный опыт и богатая фантазия помогли представить все в красках. У Фроста с опытом и фантазией, похоже, тоже все было в полном порядке.

– Но она ведь все равно волновалась. – Пожалуй, впервые в жизни Мирославе пришлось выступать адвокатом дьявола. И плевать, что дьявол рядился в платяшки тургеневской девушки. – Она звонила мне, спрашивала, почему ты до сих пор не дома.

– Она не могла вам звонить. – Василиса быстрым движением сложила свой рисунок. Мирослава успела заметить лишь самый край – что-то черное, не по-детски мрачное.

– Почему не могла? – спросила она.

– Потому что у нее нет вашего номера телефона, а Лисапета... А Лизавета Петровна отказывается ей его давать.

– А зачем твоей маме номер моего телефона? – Мирославе и в самом деле было любопытно, с чего бы Гале Свиридовой захотелось с ней поболтать.

– Или ваш, или бухгалтерии. – Василиса сунула сложенный рисунок в карман. – Лучше бы конечно Всеволода Мстиславовича, но это же вообще нереально.

– Нереально, – согласилась Мирослава. Сложно представить, что Всеволод Мстиславович снизошел до разговора с кем-то из родителей, не входящих в попечительский совет. Не в его правилах. – Так зачем ей мне звонить?

– Затем, что уже пятое число.

– И?..

– И стипендию за меня должны были перевести первого.

– И?..

– И не перевели. – Василиса улыбнулась совершенно недетской улыбкой. – Стипендию не перевели, а у мамы планы. Вот она и разволновалась.

– У мамы планы на твою стипендию?

Василиса ничего не ответила, лишь пожала плечами. Фрост с равнодушным видом смотрел в окно, про планы ему, видимо, было неинтересно.

– Она звонила в школу, чтобы поговорить о задержке выплат? – Зато до Мирославы наконец начало доходить.

– Я всегда прихожу домой в одно и то же время. – Василиса рассматривала свои обгрызенные ногти. Про ногти Мирославин психолог многое бы мог рассказать. – И сегодня я почти не задержалась. Понимаете?

Мирослава понимала. Тургеневской девушке Гале было плевать на дочку, она всего лишь пыталась стянуть со школы денег. А деньги всегда удобнее требовать, если есть рычаг давления. Безопасность кровиночки чем не рычаг?

– Пойдем, – сказала она, глядя на Василису сверху вниз.

– Куда?

– Навестим твою маму.

– Она будет рада. – Василиса снова усмехнулась.

– Я даже не сомневаюсь! – Мирослава тоже усмехнулась.

* * *

В поисково-спасательную операцию Фрост влип совершенно случайно. Ничего такого он не планировал. Он даже почти сразу понял, что ничего страшного с пропавшей девочкой не случилось. Но Мирослава нервничала. Она конечно делала вид, что злится, но на самом деле нервничала. И его, Фроста, не узнала. Не промелькнуло даже тени узнавания в ее сердитом и самоуверенном взгляде.

Ну и ладно. Так, наверное, даже лучше. Начали знакомство с чистого листа. И сразу после знакомства Мирослава принялась раздавать команды. Водилось ли за ней такое раньше? Фрост не помнил. Нравилась ли ему эта новая Мирослава? А пожалуй, не очень. Но девочка пропала, и тут не до симпатий-антипатий.

Он согласился помочь, а Мирослава даже не сказала спасибо. Впрочем, чего ждать от помощницы самого Горисветова? Или как она там представилась?

Со своим заданием Фрост справился быстро. По кружной дороге проехал медленно, на ходу всматриваясь в придорожные заросли. Да не стал бы ни один нормальный ребенок пользоваться этим длинным и скучным путем, когда есть лесная тропинка. Фрост был в этом уверен, но свою часть работы все равно выполнил с максимальной тщательностью. Теперь можно было с чистой совестью двигать в овраг по следам пропавшей девочки Василисы и отправившейся на ее поиски Мирославы.

Ишь, имена какие затейливые: Василиса, Мирослава! Прямо сказочное царство какое-то. Вот только сказки в этом царстве случались отнюдь не добрые. Всякие тут случались сказки, если уж начистоту. Поэтому Фрост очень удивился, когда узнал, что Горисветово снова обитаемо. Да не просто обитаемо, а обжито с максимальным комфортом. Похоже, сильных мира сего жизнь ничему не учит. Или, наоборот, учит?

Мирославу он нашел по звуку – испуганному силпому вскрику. Именно вскрику, а не крику. Слишком уж быстро все оборвалось. Не к добру. Вот тогда он испугался в первый раз по-настоящему, до холода в затылке, до ноющей боли в костях. Испугался, бросил байк посреди дорожки и ломанулся на звук. Хорошо, что бежать далеко не пришлось и ничего непоправимого не случилось. Мирослава всего лишь свалилась в овраг. Вот только там, в овраге, она вела себя странно, словно бы отбивалась от кого-то невидимого, хрипела, синела лицом и брыкалась.

В медицине Фрост был не силен, представление о последствиях черепно-мозговой травмы имел весьма смутное, поэтому в овраг спускался не без опаски. Как спасти пострадавшую, если не знаешь, от чего вообще спасаешь? Поэтому первым делом он пострадавшую зафиксировал, чтобы не рыпалась и не мешала себя спасать. К слову, рыпалась она недолго. Стоило только прикрикнуть, и она сразу затихла. А дальше дело пошло веселее. Как только Мирослава очухалась, первым делом начала рефлексировать из-за порванных колготок и грязных коленок. Принялась коленки прикрывать, а на него порывкивать. И вот тут он сразу же успокоился. Если порывкивает, значит, ничего не отбила и не сломала. Кроме каблука. Это ж какой душой нужно быть, чтобы скакать по лесам и оврагам на каблуках! Про дуру Фрост не сказал, сдержался. Отыгрался на втором каблуке. Обувка оказалась хлипкой, куда слабее Мирославиных костей.

Дальше искали пропавшую девочку вместе. И когда обнаружили бумажный кораблик, Фрост почти успокоился. В отличие от Мирославы. Эта все время нервничала, озиралась и порывалась самолично обшарить все прибрежные заросли. Из-за девочки переживала или из-за возможного скандала? Опасалась перспективы получить выговор от обожаемого босса?

Фрост в поисках не мешал, держался поблизости, иногда на шаг впереди. Просто так, на всякий случай. А Мирослава словно взяла след, ломанулась не к девочке домой, а на работу

к ее маме. Интуиция сработала или просто повезло? Он не стал вникать. Мирослава шла по следу, он наблюдал.

Девочка со сказочным именем Василиса нашлась-таки в закрытой библиотеке. Вот тогда Фросту и показалось, что она с легкой придурыю. Потом ему подумалось, что Василиса над ними издевается. То, что девочка умна, но обижена, выяснил не он, а Мирослава. А Фрост выяснил, кто у беглянки мама...

К дому Василисы шли молча. Мирослава впереди. Следом девочка. Замыкал процессию Фрост. Получался вполне себе конвой. Ему бы прямо сейчас распрощаться с этими сказочными девицами и отправиться обратно к брошенному на произвол судьбы байку, но стало вдруг любопытно посмотреть на Василисину маман.

В чужой дом Мирослава вошла по-хозяйски, без стука. Пропускать вперед девочку не стала. Фроста тоже. Да он и не особо рвался. Сунул руки в карманы косухи, осмотрелся.

– Есть кто живой? – спросила она, стоя посреди просторной и не особо опрятной комнаты, служившей сразу и столовой, и гостиной.

Ответом им стала тишина, и Фросту подумалось, что нерадивая мамаша лично отправилась на поиски пропавшей дочки. Зря подумалось. Мамаша выплыла на зов Мирославы спустя несколько минут. Именно выплыла, а не вышла, на ходу запахивая цветастый халатик и поправляя растрепавшуюся прическу. В общем, вид она имела богемный. Ну, богемный в представлении деревенской библиотекарши, не бывавшей дальше стен этой самой библиотеки. Вот Фрост бывал и богемных девиц на своем веку повидал, поэтому мог считать себя в этом вопросе экспертом.

Гала Свиридова тоже считала себя экспертом, потому что ей хватило всего лишь одного мгновения, чтобы оценить ситуацию. На Фросте ее взгляд задержался, пожалуй, чуть дольше. Наверное, в этот самый момент она оценивала не только ситуацию, но и его. Оценку дала, по всему виду, не слишком высокую, потому что тут же переключилась на пропавшее и вновь обретенное чадушко.

– Васенька! – вскрикнула она и прижала ладонь к груди. – Васенька, нашлась! Как же ты меня напугала, детка!

Детка Васенька поморщилась и попятилась. В маменькины объятия она явно не спешила. Мирослава тоже не спешила передавать девочку родительнице, стояла, смотрела, хмурилась.

– Мирочка! Мирочка, это же ты?! – А вот родительница не хмурилась, родительница лучилась совершенно неискренней радостью.

– Да, это я. И на всякий случай напомню, что меня зовут Мирослава Сергеевна.

– Да брось ты эти условности, Мирочка! Как же давно мы не виделись!

Гала сделала шаг, и Мирослава попятилась. Выражение ее лица было таким, словно она боялась замараться.

– Мы не виделись тринадцать лет, – отчеканила она.

– Долгий срок! – Гала закатила глаза к давно небеленому потолку.

– Недостаточно долгий, чтобы забыть, как меня зовут, Галина.

– Ну, тогда уж и ты будь любезна, – улыбка вмиг истаяла на все еще красивом, но уже тронутым ранним увяданием лице. – называй меня Галой.

Значит, теперь она Гала. Интересно, сама додумалась или кто-то надоумил? Фрост усмехнулся, подпер плечом дверной косяк. Это была удачная позиция, она выводила его со сцены боевых действий, но оставляла хороший обзор. В том, что боевые действия неминуемы, он не сомневался. Стоило только глянуть на лицо Мирославы. В отличие от него, Мирослава с самого начала знала, с кем им придется иметь дело, успела, наверное, подготовиться. Гала, по всему виду, тоже готовилась. Не зря же искала номер Мирославиного мобильного.

– Это ужасно, – сказала она трагическим шепотом и снова прижала ладонь к груди. – Васенька, я так волновалась!

Васенька хмыкнула.

– Что-то не похоже, что волновалась. – Голос Мирославы звучал вкрадчиво, взгляд ее вперился в легкомысленно-глубокое декольте Галы. – Как-то иначе я себе представляла волнение.

– А что это с тобой, Мироч... – Гала осеклась, – что с тобой случилось, Мирослава? Выглядишь ужасно. Нет, правда! Если хочешь, могу одолжить тебе колготки. Знаешь, мы хоть и в провинции живем, но себе такого не позволяем. Это как-то... неприлично!

– Обойдусь. – Мирослава улыбалась. Улыбка у нее была по-акульи хищной. – А случились со мной поиски твоей кровиночки.

– Какой ужас! – Гала всплеснула руками, с укором посмотрела на Василису. Похоже, Василиса к таким взглядам давно привыкла и не реагировала. – Детка, ты заставила поволноваться не только меня, но и тетю Мирославу!

– Мирославу Сергеевну.

– Разумеется, Мирославу Сергеевну! Ужасное происшествие! Просто ужасное! Да, времена уже другие, тот кошмар закончился много лет назад, но, знаете, материнское сердце все равно всякий раз сжимается от тревоги. – Гала перевела взгляд на Фроста. – Вы, наверное, тоже оттуда?

– Откуда – оттуда? – вежливо поинтересовался он.

– Из Горисветово. – Она снова окинула его взглядом с головы до ног, вынося окончательный вердикт. – Охранник или что-то вроде того, да?

– Что-то вроде того, – он кивнул.

– Вот я и вижу, что не местный. Местные-то про те ужасы никогда не забудут. Вот Мирочка, к примеру...

– Галочка... – В голосе Мирославы прорезался такой специфический звук, словно бы чем-то острым скребли по стеклу. – Галочка, ты точно хочешь обсудить прошлое при ребенке?

– А почему бы и нет?! Василисе сейчас почти столько же лет, сколько было и тебе тогда! Она должна понимать, что мир полон опасностей! Васенька, ты понимаешь?!

Васенька ничего не ответила. Она смотрела не на мать, а на Мирославу. И взгляд ее Фросту не понравился. Не должно быть у маленькой девочки такого взрослого взгляда.

– Все это ужасно... – Гала трагически вздохнула. – То есть, я не обвиняю в случившемся именно тебя, Мирослава! Но кто-то из руководства школы обязан за это ответить! Как-то компенсировать...

– Что компенсировать? – Мирослава улыбалась, а в голосе добавилось хрипотцы. Еще с прогулки по оврагу Фрост понял, что хрипотца эта не к добру. И не всегда она от волнения, далеко не всегда. Он понял, а Гале еще только предстояло это узнать.

– Мои... наши моральные страдания. – Гала страдала почти искренне, даже слезинка выкатилась из уголка ее подведенного глаза. – Я вверила вашей школе жизнь и судьбу своего единственного ребенка, а вы меня так подвели! Я звонила! Не тебе, ты же не даешь номер своего телефона простым смертным! – Последняя фраза прозвучала как упрек.

– У нас не принято предоставлять личные номера родителям воспитанников.

– И это очень плохо! Ваша служба безопасности, – Гала бросила уничтожающий взгляд на Фроста, – работает из рук вон плохо! По вашей вине я чуть не потеряла свою малышку.

– По нашей вине? – Мирослава была мила и терпелива. Какая молодец! Вот Фросту, например, уже изрядно надоел этот театр одного актера. К тому же, играла Гала из рук вон плохо. Переигрывала.

– А чьей еще? – Гала вдруг сделалась серьезной и сосредоточенной, от недавней псевдобогемности не осталось и следа. – Значит так, Мирослава Сергеевна, – процедила она, – я требую, чтобы школа выплатила мне деньги за моральные страдания мои и моего ребенка!

Фрост покосился на ребенка. Ребенок страдающим никак не выглядел, скорее уж скучающим.

– Ты читала договор? – спросила Мирослава все тем же ласковым, но скрежещущим голосом.

– В смысле? Какой договор? Не уводи разговор в сторону! Я все равно это так не оставлю!

– Договор о приеме Василисы в школу. Все родители наших учеников подписывают договор. Уверена, что ты тоже его подписала.

– Не помню. Возможно, что-то такое и было, но какое отношение?..

– Понимаю, там очень много пунктов. – Мирослава вытащила из кармана пиджака свой мобильный, принялась что-то искать в фотогалерее. – Но договор типовой, одинаковый для всех. Вот, кстати, и он! Подожди секундочку, я найду нужный пункт. Значит так... – Она подняла вверх указательный палец. – Пункт десять, подпункт семь. Тут много букв, поэтому я коротенько, своими словами. Хорошо?

Хорошо Гале не было, она еще не знала, что ее ждет, но уже почуяла подвох.

– Администрация школы несет ответственность за безопасность воспитанников школы до тех пор, пока воспитанники находятся в ее стенах. Либо вне ее стен, но в рамках образовательного процесса. – Мирослава подняла взгляд на Галу. – Это что-то типа экскурсий, лабораторных и пленэров. Тут полный список, ты потом сможешь ознакомиться. Ответственность за здоровье и безопасность воспитанника вне стен школы и вне учебного процесса несут его официальные представители: родители, опекуны и так далее. Администрация школы и попечительский совет оставляют за собой право отчислить воспитанника, если его официальный представитель халатно относится к исполнению своих обязанностей, в результате чего может быть причинен вред физическому и психическому здоровью воспитанника. Есть еще про репутационные потери школы, понесенные в результате действий официального представителя воспитанника. Это уже, как водится, мелким шрифтом. – Мирослава вздохнула. – Такие уж коварные люди – эти юристы! Но, надеюсь, суть договора тебе ясна. Твоя дочь очень талантливая девочка, и нашей школе не хотелось бы терять такую замечательную ученицу, но риски и репутационные потери... Ты меня понимаешь, Гала?

Гала понимала, очень хорошо понимала. Потому и сделалась блее своего давно небеленого потолка.

– И кто просчитывает эти риски и репутационные потери, Мирослава... Мирослава Сергеевна? – спросила она наконец.

– На начальных этапах я. – Мирослава улыбнулась, а Гала облегченно выдохнула.

– То есть мы можем договориться? По старой памяти, так сказать?

– По старой памяти не сможем, но мне достаточно неукоснительного соблюдения пунктов договора и отсутствия взаимных претензий. – Как же ловко у нее получалось разговаривать на этом сухом юридическом языке! Фрост аж заслушался. – Но у вас ведь есть претензии к нашей школе?

– Нет... – Гала энергично затрясла головой. – Нет у меня никаких претензий. Произошло недоразумение. Маленькая досадность.

– Маленькая досадность? – Мирослава перестала улыбаться. – Как интересно вы интерпретируете события! Ваш ребенок пропал не по вине школы...

– Василиса нашлась! – Гала стремительно покраснела, наверное, окончательно просчитала все риски. – Она нашлась, все в порядке! Для нее это обычное дело! Она всегда витает в облаках. Творческая личность. Ты... вы же должны это понимать!

– Я понимаю. – Мирослава кивнула. – Я все прекрасно понимаю, поэтому предлагаю компромиссный вариант. – Она перевела взгляд на Василису.

За этой перепалкой все они совершенно забыли о девочке, а девочка встревожилась. Фрост видел на ее маленьком веснушчатом лице не страх даже, а ужас. Чего она боялась?

Исключения из школы или того, что ее маменька останется без стипендии? Фрост бы поставил на первое. Девочка была хоть и странная, но славная.

– Какой вариант? – шепотом спросила Гала.

– Мы обеспечиваем учебный процесс и надлежащий уход Василисе в стенах школы, а вы, Галина, озаботитесь тем, чтобы подобные эксцессы больше не повторялись.

– Они не повторятся! – Кажется, Гала ожидала худшего, поэтому тут же воспрянула, даже заулыбалась.

– За ребенком должны присматривать родители.

– Родители... – Губы Галы скривились в ироничной усмешке. – Где вы тут видите родителей?! Есть только мать, которая крутится, как белка в колесе!

– Школу эти вопросы не интересуют. – Мирослава сухо улыбнулась, а Фрост подумал, что за те годы, что они не виделись, она превратилась в настоящую фурию. Человеческое в ней проступило лишь на дне оврага, да и то ненадолго. – Но, надеюсь, мы договорились?

– Мы договорились! – Гала мелко, по-старушечьи, закивала. – Подобное недоразумение больше никогда не повторится. Василиса! – Она бросила взгляд на дочку. Ничего материнского в этом взгляде не было, как Фрост ни всматривался. – Василиса, обещай, что больше никогда не устроишь подобного безобразия!

– Обещаю. – Василиса кивнула.

– И попроси прощение у Мирославы Сергеевны!

– Прошу прощения. – Раскаяния в голосе девочки не было, но кто ж станет ее за это винить?! Фрост точно не винил.

– Все хорошо. – Мирослава улыбнулась уголками губ. – Будем считать конфликт исчерпанным. До свидания!

Она остановилась уже на пороге, когда поравнялась с Фростом, обернулась и сказала все с той же ледяной улыбкой:

– И перечитайте договор.

Гала ничего не ответила, но Фрост успел заметить выражение лютой ненависти в ее взгляде. Да, ничто не ново под луной...

* * *

Реванш состоялся. Впрочем, радоваться ему было глупо и мелко с позиции нынешней, взрослой Мирославы. Это много лет назад она мечтала, как отомстит всем, кто ее обижал, а сейчас... А сейчас противник казался ей ничтожным и не стоящим внимания. К тридцати годам Гала Свиридова растеряла все те активы, что ей так щедро отсыпал боженька в день рождения. Даже красота ее нынче была не та. Остатки былой роскоши... Но реванш состоялся, и Мирослава несколько об этом не жалела. Она вообще считала жалость пагубным и ненужным чувством, уделом слабаков. А она не слабая, она решительная и успешная, она из тех, кто сделал себя сам. Из тех, кто забрался с самого низа почти на Олимп, зубами, когтями цеплялся, но забрался-таки! И все самое страшное, самое темное и тошное оставил позади, чтобы больше никогда не возвращаться. Чтобы больше даже не оборачиваться!

Обернуться все-таки пришлось. Как ни крути, а судьба снова забросила ее в Горисветово. Но это было уже совсем другое место! Крутое, элитное, статусное! Да и сама Мирослава стала другим человеком. Спасибо силе воли, природному упрямству и психологу. Кстати, интересно, одобрил бы психолог ее реванш, посчитал бы его закрытием очередного маленького гештальта? Или счел бы шагом назад на долгом пути Мирославиного становления? С психологом они не общались уже почти год, с тех самых пор, как Мирослава приняла приглашение Всеволода Мстиславовича и перебралась в Горисветово. Это только поначалу было боязно, а сейчас она

вполне справлялась самостоятельно. До недавнего времени справлялась, до падения в чертов овраг...

– Ничего не было, – процедила она сквозь стиснутые зубы.

– Что? – слышалось за ее спиной.

– Ничего! – Она и думать забыла про хакера Фроста. А он тут как тут, крадется следом, подслушивает.

– А, ну тогда ладно, раз ничего. – Еще и иронизирует.

– Господин Фрост... – Мирослава остановилась и обернулась. Смотреть на хакера пришлось снизу вверх, но она давно научилась не только говорить, но и смотреть так, чтобы люди сразу понимали, кто тут главный.

Хакер не понял, он тоже смотрел на Мирославу и по-идиотски лыбился.

– Можно просто Фрост, – сказал он с ухмылкой. Наверное, тоже тренировался выглядеть идиотом. Не факт, что он им был, но иногда очень полезно казаться не более, а менее значимым, чем ты есть на самом деле. Мирослава это понимала, хоть и редко, но все же пользовалась этим трюком.

– Лучше по имени-отчеству, – отчеканила она, давая понять, что вместе с поисковой операцией закончились и фамильярности.

– Кому лучше? – спросил он.

– Всем! – А голос снова осип. Мирослава была уверена, что от злости. От чего же еще? – Вам ко мне следует обращаться Мирослава Сергеевна, а я в свою очередь буду называть вас...

– Фростом, – перебил он ее. Вот просто взял и оборвал почти на полуслове. – Ты меня будешь называть Фростом. Кстати, это не фамилия, поэтому предлагаю обойтись без «господина». А я буду звать тебя Мирославой. Так мне, знаешь ли, привычнее.

Привычнее! И когда только успел привыкнуть?!

– Нет, – сказала Мирослава. Говорить «нет» она училась долго и мучительно, но теперь психолог мог бы ей гордиться. Освоила в совершенстве!

– Нет – что? – спросил Фрост.

– Нет, мы не перейдем на этот уровень общения.

– Поживем – увидим.

Вот как у него получалось быть одновременно легкомысленным и напористым? Наверное, тоже оставляет бабки у какого-нибудь модного психотерапевта. Или у него нет бабок на модного, а есть на онлайн-курсы от инфоцыган из Интернета?

– В любом случае, нам как-то нужно общаться.

Фрост улыбнулся белозубой и очень недешевой улыбкой. Все-таки не онлайн-курсы, а дорогая психотерапия. Или какая-нибудь хрень по личностному росту. Чтобы рост личностный не отставал от роста физического, так сказать.

– Нам больше не нужно общаться!

Мирослава была в этом почти уверена. Одно из правил ее новой и успешной жизни гласило, что друзья только путаются под ногами, а знакомства нужно заводить лишь полезные. Общение с хакером Фростом не казалось ей полезным вложением.

– Но я вам все равно очень признательна.

Еще одно правило: не нужно обижать человека без особой на то необходимости. Иногда человек может пригодиться в будущем. Это правило еще ни разу не сработало, но Мирослава не отступала от однажды взятого курса.

– Знаешь что? – сказал Фрост, по-прежнему глядя на нее сверху вниз, но уже не улыбаясь.

– Не знаю и знать не хочу.

– Но раз уж ты начала этот разговор...

Вот уйти бы прямо сейчас. Попрощаться, еще раз поблагодарить и летящей походкой отвалить. Только не получится летящей, а ковыляющей как-то не очень хочется. Пусть даже этот настырный хакер ей никто и звать его «никак».

– Я тебя понимаю, статус, имидж, реноме и все дела.

– Блеснул словарным запасом?

– Чем богаты. Но я не закончил.

Он все-таки посещал не просто дорогого, а очень дорогого психотерапевта или мега-популярного коуча, потому что у него получалось то, что не получалось у остальных. Он удерживал Мирославино внимание, не пытаясь удержать ее физически. А ведь многие мужчины в ее жизни начинали с обратного: сначала физический контакт, потом все остальное.

– Тогда ускорься, мне нужно возвращаться.

– Вернемся вместе. Мой байк все равно остался в овраге.

И даже тут получалось, что возвращается он не ради нее, а ради своего байка. Молодец!

– Ты мне никто. – А вот это неожиданное заявление! Еще никто не начинал дискуссию с Мирославой со спорного утверждения, что она никто. – И я тебе тоже. В том смысле, что нас не связывают условности и трудовой договор. Я даже не числюсь в штате вашей чудесной школы, поэтому вот это все нам с тобой ни к чему.

– Вот это все? – Мирослава даже головой покрутила по сторонам в поисках «вот этого всего».

– Субординация, детка! Субординация над нами не довлеет, поэтому общаться мы с тобой можем по-простому, без выкрутасов с именем, отчеством и всякими «господами». Поняла?

– Я не детка.

– Ты не детка, но ты меня поняла? Моргни дважды, если поняла.

Он издевался! Каким-то удивительным образом он не только нарушил ее личные границы, но еще и сумел подкрасться так близко, что она пропустила удар, позволила случиться тому, что не случалось с ней уже много лет.

– Идиот!

И впервые не нашла разумных аргументов, а опустилась до банального оскорбления.

– Ясно, но могла бы просто моргнуть.

Разговор он оборвал первым. Тоже немыслимое дело! Словно бы все про нее понял и все для себя решил. Интересно, что решил? Что она высокомерная дура?

Мирослава вперила испепеляющий взгляд в его спину. Спина выдержала, даже грубая кожа на косухе не расплавилась от ее ярости.

Дальше шли молча. Шли молча, а Мирославе хотелось поговорить, завершить этот дурацкий разговор, самой поставить в нем точку. Но хакер Фрост уже расставил все знаки препинания и не нуждался в продолжении. Он даже не подал Мирославе руку, когда по узкой тропе они спускались обратно в овраг. А она, как неуклюжая дура, поскользнулась и съехала по склону на заднице. Теперь ко всем унижениям добавилась еще и перепачканная юбка. Виной всему были чертовы туфли, неудобные даже без каблуков. Чертовы туфли и Фрост, который считал ее достаточно самостоятельной и недостаточно женщиной, чтобы поддержать в трудную минуту. И когда Мирослава, тихо чертыхаясь, пыталась вертикализироваться, он не бросился ей помогать. Она бы конечно отказалась, но все равно было обидно.

Наверное, из-за обиды она и не почувствовала это сразу....

Тихий, едва различимый шепот... Детская считалочка... И легкое прикосновение к плечу...

Зато, когда почувствовала, окаменела. Это не зависело от нее. С этим не справился бы ни один психолог в мире. Даже психиатр бы не справился. Потому что это лежало за гранью нормального. А Мирославе было так хорошо, так удобно считать себя нормальной. Когда-то

давно, в прошлой жизни, было. Но то славное время закончилось, отступило, оставляя ее один на один с собственным сумасшествием.

– ... Кто не спрятался, я не виновата... – Тихий голос в самое ухо, как если бы та, что говорила, была близко-близко. Так близко, что ее ледяное дыхание щекотало волосы на затылке. Так близко, что волосы эти встали дыбом и потрескивали, словно от статического электричества.

– ... Кто не спрятался, тот станет светочем... – И смех такой же тихий, но такой же осязаемый, как голос. – Таковы правила... Раз, два, три, четыре, пя...

Мирослава закричала до того, как призрачная ладонь запятнала ее в призрачных пятнашках, до того, как ее поймали...

Она кричала сиплым от ужаса голосом и по-детски зажимала ладонями уши, чтобы не слышать больше этот одновременно ласковый и смертельно-опасный голос. Чтобы не слышать и не чувствовать. В этот момент ей не было стыдно. Если бы это помогло, если бы дало хоть малейшую надежду, она кричала бы еще громче. Но голос подвел, превратился в стариковский хрип.

И отражение тоже подвело. Отражение в воде указывало на ее, Мирославы, ненормальность. Искаженное ужасом и течением лицо, рвущиеся к небу, натянувшиеся словно миллионы тончайших струн волосы. Ей было больно от этого натяжения, от того, что чья-то невидимая рука использовала ее волосы как струны, терзая их огромным невидимым смычком, заставляя вибрировать и издавать странный, лишь отдаленно похожий на музыку звук. А еще ее отражение в воде было похоже на свечу... Черную свечу на ветру...

Сумасшествие подкралось сзади. Мирослава увидела его стремительную тень на водной глади за секунду до того, как оно обхватило ее за плечи и потянуло прочь от воды. У сумасшествия были крепкие объятия и горячее дыхание. Наверное, от этого дыхания струны ее волос рвались одна за другой с трагическим звоном, рвались и падали, занавешивая ее лицо.

– Интересное кино, – сказала сумасшествие голосом Фроста.

Да, кино и в самом деле интересное: фрост – это всегда холод, а объятия горячие.

– Ты там как? – Еще и по голове погладил, приглаживая струны-волосы, убирая их с лица.

– Я тут нормально. – Она соврала, и оба они поняли, что она врет.

– Я и вижу, что нормально. Еще бы ты сама себя видела.

Теперь, когда волосы больше не занавешивали лицо, Мирослава могла видеть. Нет, уже не свое сошедшее с ума отражение, она видела Фроста. Он был бледен и сосредоточен. Он тряс руками, затаянными в перчатки, пытаясь стряхнуть с них ее волосы. Наверное, коже головы было больно вот из-за этого, из-за того, что Фрост тянул ее за волосы. Не сейчас, а тогда, когда ее накрыл приступ.

– Что с тобой случилось? – спросил Фрост. От уже стряхнул ее волосы с перчаток и теперь тряс ее саму за плечи.

– А что ты видел? – Неправильный вопрос. Вопрос тут вообще неуместен, нужно было сразу идти в атаку, обзвать его идиотом или свести все к шутке. Пусть глупой, но все же шутке. А она спросила, что он видел.

– Твои волосы. – Фрост перестал ее трясти, даже отступил на шаг.

– Да, благодаря тебе они поредели. – У нее даже получилось улыбнуться. Глядишь, получится и выкрутиться из этой одновременно пугающей и странной ситуации.

– Это сейчас они поредели, а до этого стояли дыбом.

– В каком смысле дыбом? – Она точно знала, что сумасшествие не заразно, но Фрост, похоже, все равно заразился. Вот такая у нее харизма и сила убеждения!

– В прямом! Вся копна вверх, а сама ты по струнке, и глаза белые, как у зомби. Зрелище, я тебе скажу, не для слаонервных!

Это уж точно. С таким не поспоришь. Мирослава представила себя с глазами, как у зомби, и к горлу подкатил колючий ком. Помогла сила воли. Хоть сейчас помогла.

– Но теперь-то я нормальная? – И улыбнуться снова получилось.

– Теперь вполне. – Он отступил еще на шаг. Лицом к лицу лица не увидеть, большое видится на расстоянии. Что он там хотел разглядеть? – Это какая-то аномалия?

– Ты меня спрашиваешь?

– Я просто риторически вопрошаю. Может тут какая-то аномальная зона с мощным электромагнитным излучением? Ну, типа как под ЛЭП?

Он даже голову вверх поднял, будто надеялся увидеть эти самые высоковольтные линии. Не было ничего. Мирослава бы такое не упустила.

– Вблизи от ЛЭП голова болит, – сказала она, обеими руками приглаживая ставшие уже вполне послушными волосы. – И в ушах гудит. А у меня в ушах был...

– Что? – Фрост заинтересованно подался вперед.

– Ничего! Ерунда какая-то, вот что.

– Я сглупил. – Он покачал головой. – Надо было тебя сфотографировать, как доказательство. Ладно, в следующий раз.

– Следующего раза не будет! – Ей даже представить подобное было страшно, а голова и в самом деле заболела, как будто они стояли под высоковольтной линией.

– Это как посмотреть. – Фрост задумчиво сцепил руки в замок. Кожа его перчаток была такой тонкой выделки, что Мирослава отчетливо видела проступающие костяшки пальцев.

– Мы не будем ничего смотреть!

– Ты можешь и не смотреть, а я хочу убедиться. – Он встал аккуратно на то место, от которого только что ее оттащил, запрокинул лицо к небу.

Ничего не произошло, не грянул гром, и его волосы не взмыли в воздух, как в невесомости. Потому что, в отличие от нее, у Фроста не было психических проблем.

– Убедился? – спросила она.

– Может в следующий раз с оборудованием каким сюда вернуться?

– С каким оборудованием? Ты нормальный?

– Я-то нормальный, а вот...

Сейчас он скажет – а вот ты нет! Мирослава напряглась. Но он сказал другое:

– А вот ситуация странная. Кстати, обрати внимание, это как раз место крушения.

– Какого крушения? – Мирославе хотелось домой и не хотелось никаких экспериментов.

– Крушения бумажной флотилии. В тот раз мы не обратили внимания, а сейчас смотри – тут водоворот.

Водоворот и в самом деле был. Небольшая воронка, засасывающая в себя былинки и упавшие в воду листья.

– Его не было тут раньше. – Мирослава сначала сказала, а уже потом пожалела. Гораздо удобнее и безопаснее списать случившееся на природную аномалию, а не на собственную ненормальность. Но слово – не воробей.

– Не было. – Фрост согласился поразительно легко. Какое-то время он смотрел, как воронка медленно засасывает в себя очередную былинку, а потом сказал почти с восторгом: – Охренеть!

– Что? – Мирослава продолжала приглаживать волосы. Пожалуй, психолог счел бы это проявлением нервного тика.

– Иди сюда, посмотри сама.

Идти не хотелось. Сказать по правде, хотелось спать, и чтобы стало наконец тепло, но Мирослава подошла. Клацая зубами, встала рядом с Фростом. Он бросил на нее быстрый взгляд, стащил свою косуху, молча набросил ей на плечи. Косуха была тяжелая. Как ни странно, эта тяжесть успокаивала.

– Куда смотреть? – спросила Мирослава, тщетно пытаясь отыскать их отражения на беспокойной водной глади.

– На воронку. Видишь?

Ничего она не видела, да и не хотела больше видеть, но Фрост был настойчив, и пришлось смотреть.

– Видишь? Вода в воронке закручивается по часовой стрелке.

– А как должна? – Мирослава глянула на Фроста.

– В нашем полушарии против часовой стрелки. Так сказать, эффект Кориолиса в действии.

– Но вода закручивается по часовой...

– И это крайне любопытно.

Да, это крайне любопытно и в какой-то мере спасительно для Мирославиной психики. Может быть проблема и в самом деле не в ней, а в особенностях местности? Может быть они имеют дело с Бермудским треугольником в масштабах маленькой лесной речушки? Отсюда и все эти фокусы с волосами и голосами.

Мирославе хотелось верить в это так же сильно, как агенту Малдеру в существование инопланетян, но как быть с критическим мышлением, которое упрямо твердило, что в первый раз ее накрыло не на дне оврага, а на его краю? Да что там! В первый раз ее накрыло в детстве... Чем это объяснить?

– Ладно. – Она отступила от воды.

– Ладно?! – Фрост смотрел на нее с изумлением. – Ты не хочешь разобраться? Тебе не интересно?

– Я не хочу разобраться. Мне не интересно.

На самом деле в данный момент ее волновало лишь одно. Она боялась, чтобы эта... аномалия не повторилась снова.

Мирослава оглянулась, когда они с Фростом были на безопасном расстоянии от воды. Оглянулась на странный звук, словно бы из бутылки с шампанским выбили пробку.

Водоворот исчез. На абсолютно гладкой поверхности она увидела наконец отражение... Маленькая девочка со смешными косичками приветственно подняла вверх руку. Мирослава чуть было не помахала в ответ. Удержалась в самый последний момент, потому что нечего потворствовать собственным галлюцинациям.

* * *

Байк Фроста оказался именно там, где он его оставил – на тропинке над оврагом. Никто не позарился. Впрочем, по тропинке никто особо и не ходил. Они с Василисой не в счет.

– Могу прокатить!

Фрост глянул на Мирославу. Сначала на нее целиком, потом на поцарапанные коленки и подранный подол юбки. Мирослава представила, как она, вот такая красивая и поцарапанная, с голыми коленками и задравшейся до самой талии юбкой, подъезжает к Горисветово, и ей сделалось дурно от одной только этой фантазии.

– Не надо меня катать! – сказала она твердо. – Сама!

– А если опять? – спросил он, утверждаясь в седле байка.

– Что – опять?

– Опять вздыбишься. – Он сделал неопределенный жест над своей головой, наверное, намекал на ее волосы. – Вздыбишься и зазомбовеешь.

– Я зазомбовею прямо сейчас, если ты не отвалишь, – сказала Мирослава с угрозой в голосе. – Тебе же велели уезжать! Дальше я сама!

Он ее раздражал. Нет, он ее бесил! Бесил до такой степени, что она теряла самоконтроль. Или самоконтроль она теряла не из-за него, а из-за ситуации, в которой оказалось? В которой он ее увидел! Это ведь все равно, что оказаться голой перед незнакомым мужиком! Нет, голой не так страшно! Но вот оказаться белоглазой зомби – это позор!

– Ок! – Он повернул ключ зажигания, и байк заурчал. – Рад был помочь!

И газанул, обдавая Мирославу ядовитыми клубами выхлопных газов.

Стало обидно. Вроде бы, сама велела убираться, вроде бы, он сделал все, как она хотела, а все равно осадочек остался. Мог бы настоять, проявить себя не хакером, а джентльменом, проводить ее до усадьбы, а он сразу же свалил.

Вслед за обидой пришел страх. Ну, не совсем ужас, а так... опасения, что то, что с ней уже случилось в этом чертовом овраге, может повториться опять. Вот это чувство было куда сильнее и куда серьезнее. Именно оно заставило Мирославу рвануть с места и сразу же перейти на резвую трясцу.

Она бежала почти до самой усадьбы и, лишь оказавшись перед запасной калиткой, остановилась, чтобы перевести дух. Так и стояла минуты три, уперев ладони в многострадальные коленки, и часто-часто дыша. Оставалось последнее: марш-бросок по пересеченной местности до своей комнаты. И сделать это нужно было так, чтобы никто не заметил, потому что хватит с нее на сегодня щекотливых ситуаций. Потому что должно же ей хоть в чем-то повезти.

Повезло! Сначала запасная калитка, потом дверь черного хода и черная лестница, которую в стародавние времена использовала горисветовская прислуга, а нынче... а нынче тоже горисветовская прислуга, пусть и переименованная политкорректно в персонал. Себя Мирослава к персоналу никоим образом не относила, считала чем-то вроде топ-менеджера, но жизнь давно научила ее тому, что везде и всегда первым делом нужно изучать все ходы-выходы. Просто так, на всякий пожарный случай. Вот он и наступил – этот пожарный случай! Вот и пригодился ключ от черного хода! К себе Мирослава ввалилась, никем не замеченная!

Персонал, и обычный, и топовый, жил на первом этаже правого крыла усадьбы. Фактически, у Мирославы была своя собственная двухкомнатная квартира с отдельным входом, со всеми удобствами и чудесным видом из окна. Ремонт этой квартиры она занималась лично. Сама выбирала мебель и текстиль, сама договаривалась сначала с бригадиром, а потом и с бригадой строителей. К консенсусу пришли быстро, потому как Мирослава не только в совершенстве знала английский, французский и итальянский языки, но ко всему прочему умела разговаривать на языке, понятном любому пролетарию. Иногда это умение ее очень выручало, мигом превращало из «зажравшейся барыньки» в «свою в доску». Тут было важно соблюсти баланс, но Мирослава считала себя королевой баланса и мастером переговоров. Как бы то ни было, а ремонт в комнатах ей сделали отличный: утеплили, звукоизолировали, модернизировали все в кратчайшие сроки. От услуг дизайнера Мирослава отказалась, потому что считала, что никто не справится с этой задачей лучше, чем она сама.

Она и справилась! Сделала все по себе и под себя. Мой дом – моя крепость! И плевать, что это не настоящий дом, что при желании можно было с таким же успехом отремонтировать бабушкин дом и жить там. Но желания не было. Мирослава даже думать не хотела о том, чтобы вернуться назад, на самое дно своей прежней жизни.

Первым делом она выбросила в мусорное ведро испорченные туфли и юбку, вторым стала с себя остатки одежды и приняла душ. Лучше было бы ванну, в ее новом доме была прекрасная ванна на грифоньих лапах! Не какой-то там итальянский новодел, а самый настоящий раритет, который строители откопали в подвале усадьбы, а Мирослава тут же приватизировала. Ее установили только этим утром, и вечером Мирославу ждало настоящее блаженство. Но только вечером! Потому что купание в ее прекрасной антикварной ванне предполагало полную расслабленность, а Мирославе в сложившейся ситуации расслабляться вообще не стоило. Поэтому она ограничилась душем, тщательно вымыла волосы, а потом несколько минут

задумчиво наблюдала за тем, как стекает в сливное отверстие вода. Все закручивалось в правильную сторону, согласно законам физики и заветам Кориолиса. Жизнь потихонечку налаживалась, хотя бы в мелочах.

Чтобы окончательно утвердиться в нормальности собственного бытия, Мирослава босиком прошлепала на кухню, поставила на огонь турку. Чашка кофе и крошечный кусочек черного шоколада приведут ее в форму получше любых таблеток. Это было проверенное, ни разу не дававшее сбоев средство.

Наедине с кофейной чашкой Мирослава провела минут пятнадцать, а потом принялась одеваться. Ее рабочий день официально подошел к концу, и можно было сменить деловой костюм на что-нибудь менее презентабельное, но более удобное. Мирослава остановилась на джинсах и белой футболке, стянула еще влажные волосы в тугой пучок на макушке. Когда стягивала, не без панического злорадства думала, что уж теперь-то они не вздыбятся ни при каких обстоятельствах, уж теперь-то она сама хозяйка своей судьбы. И на ноги надела вместо неудобных шпилек обычные кеды. Просто так, для пушей устойчивости. Нет, она не собиралась больше скакать по лесам и оврагам, но выводы из случившегося сделала. В Горисветово нужно быть готовой ко всему.

Откуда вдруг взялся такой вывод, Мирослава и сама не знала. Куда разумнее и логичнее было бы предположить, что это с ее обострившейся... особенностью нужно быть готовой ко всему.

Называть ее фобии и панические атаки «особенностями» предложил психолог. Особенность всяко лучше, чем какая-нибудь хрень с труднопроизносимым названием из психиатрического справочника. Особенности есть у любого нормального человека! И «нормальный» здесь ключевое слово! Мирослава годами приучалась считать себя нормальной и не собиралась сдавать позиции из-за какой-то ерунды, из-за какого-то чертова феномена Кориолиса! Про Фроста она к тому времени уже и думать забыла.

Она была уже на пороге, когда зазвонил мобильный. Это Лисапета тревожилась и желала знать, как обстоят дела с поисками Василисы. Мирослава заверила ее, что поиски прошли успешно, ни сама Василиса, ни ее маменька претензий к школе не имеют, вопрос закрыт. Но Лисапета не сдавалась, Лисапета желала увидеться и пообщаться. Мирослава вздохнула. Общение – последнее, что ей было нужно этим сумасшедшим вечером. Общение и расспросы. Но Лисапета была в некотором роде ее оплотом, глазами и ушами. Не стоило портить отношения там, где их можно укрепить. Бабушка бы не одобрила.

Лисапета нашлась в оранжерее. Если для Мирославы ее отдушиной в Горисветово стала персональная квартирка, то Лисапета нашла себя в отреставрированной, засаженной экзотическими растениями оранжерее. Она даже организовала ботанический кружок для воспитанников школы, а все свое свободное время проводила в оранжерее, возясь с растениями. Вот и сейчас прижимая к необъятной груди пульверизатор, она медитировала над каким-то диковинным кустом с удивительными, похожими на бабочки цветами. В оранжерее было влажно и жарко, на лбу у Мирославы тут же выступили капельки пота.

– Мирослава! – Лисапета колыхнулась, нажала на кнопку пульверизатора, орошая диковинный куст облачком тумана. – Мирослава, как я рада, что все утряслось!

Она и в самом деле была рада. И тому, что все утряслось, и Мирославе. Поэтому Мирослава не стала ее поправлять, сделала вид, что не заметила очередного нарушения субординации.

– Утряслось, Лизавета Петровна. – Она помахала ладонью перед лицом, отгоняя от себя влажный туман и какую-то заблудившуюся в тумане букашку. – С девочкой все в порядке, с мамой проведена разъяснительная беседа. Считаю инцидент исчерпанным.

– Ну и слава богу! А то я так волновалась, так волновалась! Я уже, грешным делом, думала, что придется обыскивать башню. – Лисапета снова нажала на пульверизатор. Мирослава предусмотрительно отступила на шаг.

«Кто не спрятался, я не виновата...» Туман вокруг Мирославы на мгновение сгустился и сделался колюче-холодным.

– Не надо обыскивать башню, – сказала она таким же колюче-холодным тоном.

– Так я же понимаю, Мирочка! – Лисапета переложила пульверизатор в левую руку и размашисто перекрестилась. – Я ж только в крайнем случае, да?..

– Нет никакого крайнего случая, Лизавета Петровна. И необходимости обыскивать башню тоже нет! Это опасно.

– Опасно, Мирочка... Я ж и говорю... – Лисапета перестала креститься, уставилась на Мирославу широко раскрытыми глазами.

– Опасно, потому что башня в аварийном состоянии, – отчеканила Мирослава. – Бог знает, сколько лет она была закрыта, и что там с лестницей и перекрытиями. Вы же прекрасно понимаете, как дети любят подобные места.

– Понимаю, Мирочка! Конечно, я понимаю.

– Мирослава Сергеевна! Попрошу вас...

Наверное, она сказала это как-то очень внезапно или очень резко, потому что тонкая душевная организация Лисапеты не выдержала, и указательный палец сам нажал на кнопку пульверизатора. Мирославе хотелось думать, что сам. Потому что в противном случае, произошедшее следовало считать диверсией.

Она смахнула с лица капли воды, помотала головой, стряхивая брызги с волос.

– Ой... – сказала Лисапета потрясенно. Значит, точно не диверсия, а тонкая душевная организация.

– Там хоть нет никакой химии? – Мирослава покосилась на пульверизатор.

– Чистейшая вода, Мирочка... Мирославочка... Мирослава Сергеевна! Сама из родника принесла.

– Тогда все в порядке.

Мирослава сорвала похожий на бабочку цветок, воткнула в волосы и почувствовала себя этаким Кармен. От цветка шел тонкий дурмящий аромат. Надо бы спросить, что это за куст такой. Но не сегодня, в другой раз, когда улягутся страсти.

– Все в порядке, – повторила Лисапета, ставя злополучный пульверизатор на землю.

– Но калитку лучше закрывать на ключ. Мы должны четко знать, кто из воспитанников и когда покидает территорию школы. Согласитесь, это разумно?

– Это разумно. – Лисапета кивнула. – Я поговорю с завхозом.

– Персоналу можно раздать дубликаты ключей, но дети должны выходить через центральные ворота. Там хотя бы есть камера видеонаблюдения.

Будь Мирославина воля, она бы натыкала этих камер на всем пути от Горисветово к деревне.

– А так все нормально? – спросила она уже совершенно будничным, если не сказать домашним тоном. – Больше никаких эксцессов?

– Васю Самсонова закрыли в лазарете. – Лисапета расслабилась, посветлела лицом. – Ничего страшного, объелся чипсами.

– Да где ж они берут эти чипсы?!

– Контрабандой проносят. Или родители передают. Мы ж родителей не будем обыскивать, да?

– Мы и воспитанников обыскивать не будем. Еще чего не хватало! Но рейд по комнатам не помешал бы, – сказала Мирослава задумчиво. – Только это уже пусть Всеволод Мстиславович решает. Надо, кстати, глянуть, что у нас там в уставе сказано по поводу рейдов.

– У старших так точно не помешает! – Воспрянула Лисапета. – У старших в тумбочках такое можно найти! – Она страдальчески воздела очи к потолку оранжереи.

Мирослава не стала спрашивать, что можно найти в комнатах старших воспитанников, примерно и сама представляла, но мысленную зарубку сделала. Надо поговорить с шефом. Профилактика не повредит.

Прежде, чем вернуться к себе, Мирослава решила прогуляться. Если рейды по комнатам воспитанников не прописаны в уставе, то рейды по территории точно не запрещены. Мало того, это ее прямая обязанность – следить за тем, чтобы в школе все было хорошо!

Она занималась этими обходами еще с самого начала лета. Да, да, школа для одаренных детей начала свою работу не в сентябре, как все прочие школы, а в первых числах июня. По официальной версии, сделано это было для того, чтобы ребята успели адаптироваться, познакомиться с друг другом и педсоставом, но Мирославе думалось, что с куда большим энтузиазмом эту идею восприняли родители, а не дети. В каком-то смысле, на целое лето Горисветово стало летним лагерем. Дорогим, элитным, с конными прогулками, экскурсиями, факультативными занятиями лагерем.

Территория в Горисветово была обширная. Центральное здание, в котором располагались учебные классы, столовая, комнаты учеников и персонала. Конюшня. Спортивная площадка. Теннисный корт. Бассейн. Плюс почти целый гектар парковых деревьев и лужаек. Была еще Свечная башня. Но это уже почти на самой границе усадьбы.

Мирослава начала свой обход со стадиона. Тут, несмотря на уже сгущающиеся сумерки, кипела жизнь. Парни из старшего блока играли в баскетбол, девочки стайками сидели на трибунах. С виду все достойно, даже благолепно. Но, если присмотреться, то видно, что благолепие нет-нет да и нарушается красным огоньком плохо спрятанной сигареты или облачком от вейпа. Может и бутылка пива где-то стоит под лавочкой или в мужской раздевалке. Но это пусть проверит Валик Седой, завтра Мирослава его непременно проинформирует. А пока ее путь лежал между оранжереей и бассейном к конюшне. Бассейн был ожидаемо закрыт на замок, камера над входом бдительно подмигивала красным зрачком. За тем, чтобы на территорию бассейна во внеурочное время не проникал никто из воспитанников, следили особенно строго. Почти так же строго, как за Свечной башней.

А вот ворота конюшни были гостеприимно распахнуты, из ее пахнущих конским потом и сеном недр доносилась джазовая музыка. Мирослава улыбнулась, на сердце как-то сразу потеплело. Дмитрий Леонидович, для нее просто дядя Митя, все еще был на боевом посту. Вот и его велосипед стоит, аккуратно прислоненный к бревенчатому боку сарая.

Мирослава переступила порог, сразу же попав из сумерек в тепло электрического света, зажмурилась, но не от света, а от удовольствия. Конюшня была тем единственным местом, где она позволяла себе быть самой собой. Даже в кабинете модного психолога она себе такого не позволяла. В ближайшем стойле приветственно всхрапнули, в проход высунулась лошадиная морда, покосилась на Мирославу одновременно хитро и просительно, зашлепала бархатными губами.

– Орлик! – Мирослава погладила жеребца по холке. – Прости, парень, я сегодня без вкусняшек.

– Балуешь ты их вкусняшками, девочка! – послышалось из соседнего стойла, а потом в проход вышел дядя Митя.

На нем был рабочий комбинезон, который диссонировал с аккуратной профессорской бородкой и профессорскими же очками. Только руки у дяди Мити были далеко не профессорскими – сильными, с широкими запястьями и задубевшей кожей на ладонях.

– Здравствуй, Мира! – Он раскинул в сторону эти свои натруженные руки, и Мирослава, ни секунды не колеблясь, шагнула навстречу его объятьям. – Дядя Митя, добрый вечер! Ты еще не уехал?

Он обнял ее бережно и осторожно, чмокнул в подставленную щеку, усмехнулся.

– Белоснежка захромала после прогулки. – Он обернулся на стойло, из которого вышел пару секунд назад. – Пока ее уgomонил, пока созвонился с ветеринаром, пока ветеринар добрался к нам из Чернокаменска, пока осмотрел бедолажку.

– И что с бедолажкой? – спросила Мирослава, тоже косясь на стойло.

– Все нормально, минутная слабость. – Дядя Митя усмехнулся, порылся в карманах комбинезона, вытащил рафинад. – Вот тебе, иди утешь!

Он высыпал рафинад на Мирославину раскрытую ладонь. Орлик тут же требовательно заржал, из стойла Белоснежки тоже послышалось фырканье.

– На! – Мирослава протянула кусочек рафинада Орлику и снова зажмурилась от щекотных прикосновений его губ.

– Родину за сахар продаст, – проворчал дядя Митя, но не зло, а так... для проформы. – А у тебя как дела? – Он шагнул вслед за Мирославой в стойло к Белоснежке. – Слышал, девочка пропала?

– Лисапета рассказала? – спросила Мирослава, не оборачиваясь. Только одному человеку из своего прошлого она позволяла звать себя по имени, только при нем одном позволяла самой себе фамильярность.

– Прибегала, искала. Так что с девочкой? – В голосе дяди Мити послышалась тревога. – Нашлась хоть?

– Все нормально! – Мирослава потрепала Белоснежку по холке. – Сказать по правде, никуда она и не пропадала. Это маменьке ейной, – она поморщилась, – захотелось урвать у школы денег за то, что недосмотрели за кровиночкой.

– А маменька у кровиночки кто? – спросил дядя Митя. – Из местных?

– Из местных. Галина Свиридова, нынче Гала. Знаешь такую?

– Библиотекарша?

– Она самая.

– А кровиночка, стало быть, тут учится?

– Стало быть.

– Талантливая?

– Очень!

– Но чуть не пропала?

– Дядя Митя, говорю же, никто никуда не пропадал! Что ты как Лисапета, честное слово! Та всю школу на уши поставила, теперь ты что-то такое...

– Да я ничего, – сказал дядя Митя успокаивающе, – а ты, Мира, не кричи, не пугай мне тут животинок!

– Да я и не кричу. – Мирослава виновато улыбнулась. – Просто день был сегодня такой... бестолковый.

– Ты ходила в овраг? – Стекла очков бликовали, и Мирослава не могла разглядеть его глаз, но по голосу слышала, что дядя Митя встревожен.

– Господи! А что такого?! Да, я ходила в овраг! Дядя Митя, мне же уже не тринадцать лет! – Все-таки она сорвалась на крик, и из соседнего стойла тут же послышалось беспокойное ржание, пришлось перейти на сдвленный шепот: – Нормально все! Вот она я, живая и невредимая.

– Одна?

– Что – одна?

– Ты ходила в овраг одна?

– Не одна. С телохранителем.

– И кто это у нас телохранитель? Этот балбес Валик Седой?

– Дядя Митя, да ты что?! – Мирослава возмутилась так искренне, что он улыбнулся. – С хакером залетным по протекции Лисапеты. Ты с ним знаком?

Ей вдруг захотелось, чтобы дядя Митя оказался знаком с Фростом, и тогда бы она узнала что-нибудь новенькое, возможно, даже компрометирующее. Типа, око за око. Но дядя Митя покачал головой.

– Мне бы местных всех запомнить, не то, что залетных. Детвора тут постоянно ошивается. И каждый норовит накормить лошадей всякой ерундой.

– Прямо как я.

– Прямо как ты! Но ты хотя бы знаешь меру, а эти сахар ташат мешками. Замаялся отгонять! Этот еще не вернулся? – Он так быстро сменил тему разговора, что Мирослава не сразу поняла, о ком он вообще.

– Всеволод Мстиславович?

– Ага, чудо горисветовское.

– Не жалуешь ты его, как посмотрю.

– А что его жаловать? Развел тут канитель! Раньше все было по-простому, но с умом, а сейчас ерунда какая-то. Вечно посторонние на территории. То родители, то какие-то тетки из попечительского совета и министерств. И все так и норовят лошадок погладить. Одни покормить, другие погладить, а мне потом успокаивай да лечи. Так где девочка нашлась? – Он снова резко сменил тему, но на сей раз Мирослава оказалась к этому готова.

– В библиотеке. Пока маменька дома принимала гостей, девочка сидела в читальном зале.

– Читала?

– Рисовала. Она рисует очень хорошо.

– Так же, как ты?

– Я не рисую. – Мирослава отступила на шаг, отряхнула с ладоней сахарные крошки.

Дядя Митя ничего не ответил, лишь молча покачал головой.

Это была запретная Тёма. Эту тему Мирослава не обсуждала ни с кем. Ни с модным психологом, ни с дядей Митей. Только, в отличие от психолога, дяде Мите было не все равно, он за Мирославу переживал с самого первого дня их знакомства.

Потянуло холодом, невесть откуда взявшийся сквозняк погнал по полу соломинки. Лошади заржали все разом, на шесть голосов. Мирослава суетливым движением пригладила волосы, и лишь, когда пальцы коснулись тугого пучка, успокоилась. Ничего не вздыбится! Никто не зазомбоует! Да и с чего бы?! Особенности психики или восприятия действительно – только и всего! И лошади умолкли.

– Ты скоро домой? – спросила она, чтобы нарушить установившуюся какую-то неправильную тишину. – Может сначала ко мне на чашечку кофе? У меня есть очень вкусный, как ты любишь.

– В другой раз, мне уже и в самом деле пора.

Дяде Мите всегда было пора или некогда, он никогда не переступал порог ее квартиры, сколько бы она его ни приглашала, отделялся отговорками о занятости, но Мирослава понимала – дядя Митя не хочет компрометировать ее в глазах горисветовской общественности, не хочет рушить ту стену, которую она с такой тщательностью выстраивала между собой и остальными. Дядя Митя не был «остальными», но границы предпочитал не нарушать.

– Но, если ты подождешь пару минут, я тебя провожу. Прогуляемся.

– Я подожду. – Мирослава уселась на скамеечку недалеко от велосипеда, вытянула перед собой ноги, полюбовалась на носки кед. – Мне не к спеху.

Дяди Мити не было минут пять. Этого времени хватило, чтобы запереть конюшню и сменить комбинезон на джинсы и ветровку цвета хаки. В этом обличье он уже не походил на профессора. Поджарый, всегда загорелый, лишь самую малость сутулый, он был похож на отставного военного.

– Я готов! – Он протянул Мирославе руку, помогая встать.

Они шли, не спеша, разговаривая о несущественных, но приятных мелочах, как когда-то очень давно. Так давно, что Мирослава уже почти и забыла, а теперь вот вспомнила и радовалась как маленькая этим мгновениям умиротворения и защищенности. Это то, что было ей нужно больше всего после пережитого в овраге. Пожалуй, дядя Митя был единственным человеком, которому она могла бы рассказать о своих страхах.

Могла, но не стала. Может быть потому, что не была до конца уверена в реальность произошедшего? Да и что там такого произошло, если разобраться? Какая-то геомагнитная аномалия, заставившая вздыбиться ее волосы? Воронка, которая закручивалась не в ту сторону? Забавное происшествие, не более того. А то, что она была похожа на зомби... Ну, хакер Фрост мог и не такое придумать. Ей ведь никак это не проверить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.